

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение

высшего образования

«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГИДРОМЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Кафедра русского языка и литературы

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
(МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ)

На тему: Национально-культурные особенности гидронима «Волга» в русской языковой картине мира

Исполнитель _____ Сапаев Сейран _____

Руководитель _____ кандидат педагогических наук _____

_____ Ротмистрова Ольга Валерьевна _____

«К защите допускаю»

Заведующий кафедрой _____ _____

(подпись)

_____ кандидат педагогических наук, доцент _____

_____ Кипнес Людмила Владимировна _____

«14 декабря» 2021 г.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2021

Содержание

Введение	3
Глава I. Лингвистические аспекты описания гидронимов.....	7
1.1. Понятие и классификация гидронимов.....	7
1.2. Место гидронимов в составе топонимической лексики.....	11
1.2.1. Лингвистические методы описания гидронимов явление.....	11
1.2.2. Этнолингвистический характер гидронимов в русской топонимической картине мира.....	16
1.2.3. Особенности семантики гидронимов в русской топонимической картине мира.....	21
Выводы по главе I.....	26
Глава II. Объективация гидронима «Волга» в русской языковой картине мира.....	29
2.1. Место гидронима «Волга» в русской топонимической картине мира.....	29
2.2. Национально-культурный потенциал гидронима «Волга» в русской языковой картине мира.....	32
2.2.1. Объективация гидронима «Волга» по данным энциклопедических и лексикографических источников.....	32
2.2.2. Объективация гидронима «Волга» по Национального корпуса русского языка.....	38
Выводы по главе II.....	57
Заключение.....	59
Список использованной литературы.....	63
Приложение 1.....	72

Введение

Выпускная квалификационная работа посвящена исследованию национально-культурных особенностей гидронима «Волга» в русской языковой картине мира.

Географические реалии относятся к одним из наиболее значимых в изучении языковой картины мира: географический фактор оказывает существенное влияние на мировосприятие человека, формирование национального мировоззрения. Топонимическая картина мира является неотъемлемой частью языковой картины мира. Гидронимы, как и иные классы топонимов, выступают в языке как имена-знаки. В географических наименованиях определённым образом «консервируется» лингвокультурная информация. Благодаря своей устойчивости, гидронимы приобретают способность сохранять и передавать её [31]. Гидронимы – географические названия, обозначающие водные пространства, – относятся к числу таких реалий.

Таким образом, **актуальность** исследования обусловлена тем, что, во-первых, изучение национально-культурных особенностей в репрезентации географического пространства страны не может быть полноценным без исследования гидронимов, поскольку они являются значимым информативным источником и относятся к числу лингвистических явлений, отражающих не только собственно языковые особенности, связанные со спецификой образования того или иного наименования, но и транслирующих культурно-историческую информацию. Во-вторых, гидроним «Волга» представляющий собой значимый концепт русской культуры и сложную устойчивую лексическую систему, отражающую важные историко-культурные события в номинациях географических объектов, недостаточно исследован с точки зрения национально-культурной специфики репрезентирующих его языковых средств.

Объектом изучения в данной работе являются гидронимы.

Предмет исследования – национально-культурные особенности гидронима «Волга» в русской языковой картине мира.

Цель – выявить и описать национально-культурные особенности гидронима «Волга» в русской языковой картине мира.

Поставленная цель предполагает решение следующих **задач**:

- рассмотреть понятие и классификацию гидронимов;
- охарактеризовать гидронимы относительно их места в составе топонимической лексики;
- описать этнолингвистический характер гидронимов в русской топонимической картине мира;
- проанализировать семантику гидронимов в точки зрения её национально-культурных особенностей в русской топонимической картине мира;
- определить место гидронима «Волга» в русской топонимической картине мира;
- выявить и описать средства объективации гидронима «Волга» по данным энциклопедических и лексикографических источников;
- выявить и описать средства объективации гидронима «Волга» по данным текстов и экспериментов.

Новизна работы состоит в выявлении и описании национально-культурных особенностей гидронима «Волга» в русской языковой картине мира.

В работе использовались следующие **методы** исследования: индуктивно-дедуктивный метод (наблюдение, анализ, обобщение материала),

описательно-аналитический метод, методы компонентного и дистрибутивного анализа, лексикографический анализ, семантический анализ, географический анализ текстов, прием сплошной выборки материала из лексикографических источников, прием частичной направленной выборки материала из Национального корпуса русского языка, прием статистического анализа.

Материал исследования составили:

- 1) работы, в которых гидроним «Волга» описывается в философском аспекте как особый концепт русского культурного ландшафта (М.Х. Кусмидинова), работы, посвященные исследованию языковой картины мира, отражённой в гидронимах (И.В. Топоркова), лингвистическому описанию гидронимов (В.Н. Топоров, О.Н. Трубачев), описанию семантических полей и структуры гидронимов (А.И. Рудных, С.Н. Сорокина), этнолингвистическому описанию гидронимов (В.В. Алпатов, К.Ф. Гриценко, А.В. Дыбо, Р.Д. Сунчугашев);
- 2) данные лексикографических и энциклопедических источников;
- 3) материалы Национального корпуса русского языка.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что данное исследование даёт материал для дальнейших теоретических обобщений, связанных с лингвистическим исследованием гидронимов, представляющих значимый фрагмент русской языковой картины мира.

Практическая значимость выпускной квалификационной работы заключается в том, что её результаты могут быть использованы при подготовке лекций и практических занятий по лингвистическим дисциплинам.

Структура работы. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы и приложения.

Во введении обосновывается актуальность, формулируются объект, предмет, цель и задачи исследования.

В первой главе, посвящённой рассмотрению лингвистических аспектов описания гидронимов, рассматриваются понятие и классификация гидронимов; гидронимы характеризуются относительно их места в составе топонимической лексики; описывается этнолингвистический характер гидронимов в русской топонимической картине мира; анализируется семантика гидронимов в русской топонимической картине мира.

Во второй главе, посвящённой исследованию особенностей объективации гидронима «Волга» в русской языковой картине мира, определяется место гидронима «Волга» русской топонимической картине мира; выявляются и описываются средства объективации гидронима «Волга» по данным энциклопедических и лексикографических источников, текстов и экспериментов.

В заключении приводятся выводы, сделанные в рамках исследования.

Глава I. Лингвистические аспекты описания гидронимов

1.1. Понятие и классификация гидронимов

Гидронимы, являясь языковыми знаками, выступают как средство «выражения модели мира», и их совокупность «отражает состояние восприятия действительности, которое сложилось в более ранние периоды развития языка в обществе» [46, с. 270].

Важно подчеркнуть, что изучение языковой картины мира, отраженной в гидронимах, позволяет дать описание языка как системы. В свою очередь, исследование системных отношений в языке можно определить как моделирование языковой картины мира [7; 8; 9; 34; 38; 46, с. 270].

Отраженная в гидронимах языковая картина мира основывается, как отмечает И.В. Топоркова, не только на отражении свойств и особенностей называемых реалий. Она также связана «с физиологическим восприятием человека и является результатом его мыслительной и психической деятельности» [46, с. 270].

Гидронимы являются значимым источником и относятся к числу лингвистических явлений, отражающих не только собственно языковые особенности, связанные со спецификой образования и др., но и транслирующих культурно-историческую информацию [1; 2; 3; 14; 15; 42; 47].

Вышесказанное является аргументом того, что существуют различные классификации гидронимов. И если их рассматривать в описанном выше ключе, то актуальной будет лексико-семантическая классификация.

В целом в топонимической науке разработано немало классификаций топонимических единиц, так или иначе позволяющих, во-первых, определить общие принципы, на основании которых возникают названия тех или иных географических объектов, во-вторых, «установить характер и объем

топонимической лексики, продуктивность тех или иных лексем в гидронимии изучаемого региона» [40, с. 34; 5; 16; 17; 26].

Проблемы лексико-семантической классификации гидронимов стали предметом исследования многих ученых. Так, одни исследователи большое внимание уделяют изучению топонимов с точки зрения семантики, другие отдают приоритет структурному анализу, третьи успешно используют оба этих приема.

Первые попытки классифицировать гидронимы относятся ко второй четверти XIX века. В то время чешский историк Ф. Палецкий разделил славянские названия на две группы, к одной из которых были отнесены названия, «образованные от имён основателей или владельцев поселений», а ко второй группе – названия, «являющиеся показателем топографического положения» [40, с. 34; 43].

Через некоторое время количество групп топонимов возросло в два раза, когда Ф. Миклошич [40, с. 35] дополнил их:

- 1) топонимами, происходящими от названия лиц;
- 2) топонимами, образованными «от нарицательных названий, где каждая группа включает в себя отдельные подгруппы».

Выдающийся этимолог М. Фасмер предложил классификацию гидронимов более чем по тридцати семантическим группам [40, с. 35: **Vasmer,1971: 565**].

Основы отечественной топонимической классификации в лексико-семантическом аспекте были заложены А.М. Селищевым, который выявил лексико-семантические группы и дополнил их анализом словообразовательных элементов [40]. Несмотря на плодотворные изыскания, топонимической наукой до настоящего времени не выработан единый взгляд в вопросе классификации названий и гидронимов в частности.

А.И. Рудных, опираясь на работы А.К. Матвеева, выделяет следующие семантические типы гидронимов: 1) гидронимы, характеризующие свойства реки, особенности берега, растительный и животный мир; 2) гидронимы, характеризующие местонахождение и другие особенности гидрообъектов [39].

Н.К. Фролов в статье «Семантические модели русских и угорских гидронимов Нижней Оби» [40] выделяет шесть лексико-семантических типов:

- 1) гидронимы, обозначающие существо реалии;
- 2) гидронимы, в основу которых положен антропоним или от антропонимическое название смежного объекта;
- 3) гидронимы, содержащие указания на местоположение объекта, на какой-либо природный или сделанный руками человека ориентир;
- 4) гидронимы, связанные с отражением специфики окружающей флоры и фауны;
- 5) гидронимы, возникшие на основе представлений о величине объекта, глубине дна и его грунте, внешней формы объекта;
- 6) гидронимы, обозначающие окружающий рельеф, характер течения, температуру, вкус, запах и цвет воды [40, с. 395].

Приведенные классификации водных объектов, не противоречащие друг другу, а скорее компенсирующие, подтверждают правоту слов Э.М. Мурзаева, который писал о «невозможности создания универсальной единой классификации такой сложной, многослойной, живой системы, какой оказывается топонимия любой страны или другой крупной территориальной единицы» [16; 17; 22].

С.Н. Сорокина выделяет три основные группы гидронимов [40, с. 36]:

1. В первую группу входят гидронимы, «отражающие физико-географические свойства объекта», т.е. названия, которые выступают характеристиками его размера, формы и расположения на местности.
2. Во вторую группу объединяются гидронимы, «отражающие особенности окружающей его среды», т.е. названия, которые указывают на животный и растительный мир.
3. В третью группу входят гидронимы, которые связаны с жизнедеятельностью населения, а также названия, в состав которых входят этнонимы и антропонимы.

В предложенной классификации, по замечанию её автора, нашли отражение тенденции, которые характерны «для номинации водных объектов исследуемой территории». Кроме того, данная классификация учитывает однокомпонентные и двухкомпонентные гидронимы, поскольку подавляющее большинство названий с большим числом компонентов вторичны [Сорокина].

Классифицируя гидронимы по лексико-семантическим типам, исследователи предлагают разграничивать понятия «семантический тип» и «семантическая модель». Когда речь идёт о семантическом типе (или о семантической группе, о семантическом разряде), то имеются в виду названия, которые объединены обобщенным признаком – таким, который является общим для всех включенных топонимов. Основу же семантической модели составляет «семантический признак, семема – её понятие связано с внутренней формой топонимической лексики». Следовательно, семантический тип реализуется в наборе семантических моделей. При этом описание семантического типа топонимов подразумевает:

- определение круга семем, которые объединяет общий содержательный признак;

- выявление частотности отдельных семантических моделей [39, с. 44; 40, с. 36].

Таким образом, гидронимы – один из классов топонимов. Это географические названия, обозначающие водные пространства (реки, озёра, моря, заливы, проливы, каналы). Названия водных объектов сохраняются веками и тысячелетиями, поэтому гидронимы имеют очень высокую лингвоисторическую ценность.

1.2. Гидронимы как лингвистическое явление

1.2.1. Лингвистические методы описания гидронимов

Географическое название, топонимический комплекс отдельного региона могут быть рассмотрены с разных позиций [1; 6; 10; 11; 26; 28; 29; 35; 36; 42; 43; 44; 49; 68]:

- 1) принадлежности названия к географической реальности: горе, реке, городу, болоту и т.д.;
- 2) времени и обусловленности его возникновения;
- 3) принадлежности к тому или иному языку;
- 4) содержания и этимологии (от греческого *ἐτύμον* – «истина, подлинный смысл» и *λόγος*– «учение», т.е. происхождения имени собственного),
- 5) его морфологии, так как название – слово, и оно должно соответствовать нормам языка и подчиняться графическим правилам;
- 6) научного обоснования отображения при передаче с языка на язык и правильного написания на родном языке;
- 7) области распространения, когда выясняются ареал названия, пути его миграции.

Все эти вопросы не представляется возможным решить при помощи только одного метода. Каждый взятый в отдельности метод позволяет по-своему подойти к пониманию географического названия со стороны его формы, структуры и содержания. Главная задача топонимиста – проводить исследование комплексно. Только на основе использования комплекса методов разных наук можно добиться реального научного результата.

Географическое название является частью топонимии определенной территории, поэтому его анализ может быть правильным только с учетом специфики всего комплекса топонимов. Единичное название, оторванное от системы, не может служить источником научного анализа. Поэтому вторым требованием топонимических исследований является исследование топонима в контексте всей топонимии.

Географический метод топонимического исследования [49] основан на использовании народных географических терминов – слов, определяющих характер географического объекта, его род и вид (например, гора, лес, озеро). Являясь, по сути, именем нарицательным, народные термины употребляются для определения конкретного географического понятия или явления. Генетическая связь народного термина с географическими объектами, их сущностью, находит выражение в топонимии, являющейся своеобразным аккумулятором значительного числа терминов. Взаимосвязь между топонимом и термином есть универсальная закономерность топонимики. Топонимия – это своеобразный язык ландшафта, его вербальное выражение. Можно сказать, что посредством топонимии ландшафт «рассказывает» о себе, о своей истории, динамике и особенностях. Ландшафтно-топонимические исследования способствуют реконструкции географических ситуаций прошлого. Топонимы позволяют выявлять и исследовать в динамике такие компоненты природного ландшафта, как формы рельефа, почвы, растительность и животный мир.

Тесным образом связан с топонимикой и картографический метод [14; 25; 27; 36; 49]. Картографический метод успешно применяется для установления закономерностей размещения топонимических явлений, динамики их развития во времени, пространственных связей и зависимостей, как между отдельными топонимическими фактами, так и между ними и разного рода социальными и природными реалиями, отраженными на картах. Выявление топонимического материала требует привлечения различных картографических источников. Разновременные карты позволяют изучить динамику различных явлений и их компонентов по данным топонимии.

От картографирования неотделимо установление топонимических ареалов, в задачи которого входит точная локализация мест расселения людей, в речи которых отмечается изучаемое ономастическое явление, или объектов, именуемых определенным образом [18; 47]. Но картографирование применяется не только для фиксации выявленных ареалов. Картографироваться могут и различные территориальные распределения названий при региональных исследованиях, и черты, глобально присущие названиям разных языков. Выявленные в результате картографирования ареалы составляют специальный топонимический текст, научное прочтение которого ставит исследователя перед серией новых задач. Следовательно, карта с топонимической нагрузкой сама делается источником для дальнейшего изучения географических названий. Создание современных баз данных топонимов, электронных газетиров, использование ГИС-технологий значительно активизирует топонимические исследования.

Полноценное описание и анализ топонимических фактов не может осуществляться без использования исторических методов исследования [14; 23]. Учет реальных исторических условий является одним из основных критериев достоверности изысканий. Топонимы обычно утилитарны по семантике, т.к. отражают отношение человека к природе, сложившееся на протяжении длительного исторического периода. Название всегда социально:

даже физико-географические термины в топонимии являются выражением уровня экономической значимости объекта.

Каждая историческая эпоха характеризуется своим топонимическим набором, поэтому особое место в исследовании принадлежит историко-хронологическому анализу топонимов. Однако подобный анализ возможен далеко не всегда: народные физико-географические термины и названия природных объектов редко поддаются точной датировке, в тоже время социально-экономические термины и названия в подавляющем большинстве имеют достаточно точную хронологическую привязку.

Важным источником сведений о процессе освоения территории и изменении природы послужило изучение исторических документов, содержащих топонимическую и историко-географическую информацию. Существуют различные типы исторических документов: русские летописи; актовые материалы (писцовые книги, акты имений, фольварков); законодательные документы (различного рода рескрипты, дарственные на право пользования землями); периодическая печать; традиционные мемуарные материалы; описания путешественников.

Анализ топонимии производится лингвистическими средствами словообразовательного (структурно-грамматического) метода, который базируется на изучении массово повторяющихся элементов названий [3]. В роли таких элементов, обычно называемых формантами (от латинского *formans* – «тот, кто образует»), чаще всего выступают конечные элементы названий, представляющие собой суффиксы или окончания. Остальные элементы названий (приставки, основы) также представляют интерес с точки зрения изучения топонимического словообразования. Однако, обладая меньшей массовостью, они представляют меньшую научную ценность. Примеры формантов – «-ичи» (Барановичи, Ивацевичи, Ляховичи), «-ово» (Соколово, Петрово, Вороново), «-ка» - Петровка, Ивановка, Каховка и т.д. Многие сторонники этого метода считают его очень надежным, так как

массово повторяющиеся элементы в названиях дают серьезную базу для суждения об их типологии и о миграциях населения, переносящих топонимы на новые места.

Определенное место при обработке полученной информации принадлежит статистическому методу. С его помощью устанавливаются количественное соотношение топонимов с иными категориями названий, выявляются количественные показатели и соотношения различных категорий топонимов. Во многом данные статистики опираются на картографические материалы исследования.

Географические и исторические причины зачастую требуют уточнения непосредственно на местности. Иногда решение поставленного вопроса не является простым и помимо историко-географической и лингвистической информации требует привлечения дополнительных местных фактов. Полевые изыскания, топонимические экспедиции и знакомство с объектами непосредственно на местности помогают уточнить значение некоторых топонимов и географических терминов, скорректировать отдельные выводы. Подобные экспедиции проводятся также с целью сбора географических названий незначительных, мелких объектов, т. к. они по различным причинам исчезают, но также имеют значительную научную ценность.

Таким образом, для описания гидронимов в лингвистическом аспекте используются следующие методы:

1. Анализ топонимии производится лингвистическими средствами словообразовательного (структурно-грамматического) метода, который базируется на изучении массово повторяющихся элементов названий. В роли таких элементов, обычно называемых формантами (от латинского *formans* – «тот, кто образует»), чаще всего выступают конечные элементы названий, представляющие собой суффиксы или окончания. Остальные элементы названий (приставки, основы)

также представляют интерес с точки зрения изучения топонимического словообразования. Однако, обладая меньшей массовостью, они представляют меньшую научную ценность. Примеры формантов – «-ичи» (Барановичи, Ивацевичи, Ляховичи), «-ово» (Соколово, Петрово, Вороново), «-ка» - Петровка, Ивановка, Каховка и т.д. Многие сторонники этого метода считают его очень надежным, так как массово повторяющиеся элементы в названиях дают серьезную базу для суждения об их типологии и о миграциях населения, переносящих топонимы на новые места.

2. Определенное место при обработке полученной информации принадлежит статистическому методу. С его помощью устанавливаются количественное соотношение топонимов с иными категориями названий, выявляются количественные показатели и соотношения различных категорий топонимов. Во многом данные статистики опираются на картографические материалы исследования.
3. Географические и исторические причины нередко требуют уточнения непосредственно на местности. Иногда решение поставленного вопроса не является простым и помимо историко-географической и лингвистической информации требует привлечения дополнительных местных фактов.

1.2.2. Этнолингвистический характер гидронимов в русской топонимической картине мира

Гидронимы относятся к особому виду топонимической лексики. Вместе взятая топонимическая лексика образует топонимическую картину мира. «Топонимическая картина мира является неотъемлемой частью языковой картины мира. Топонимы представляются составной частью ономастики и выступают как имена-знаки в языке. В географических

наименованиях определённым образом «консервируется» лингвокультурная информация. Благодаря своей устойчивости, топонимы приобретают способность сохранять и передавать её» [13].

Гидронимы – это географические названия, обозначающие водные пространства. Изучение географического местоположения является невозможным без исследования гидронимов [4; 13; 15]. Гидронимы являются значимым источником и относятся к числу лингвистических явлений, отражающих не только собственно языковые особенности, связанные со спецификой образования и др., но и транслирующих культурно-историческую информацию.

Топонимическая картина мира является неотъемлемой частью языковой картины мира. Топонимы представляются составной частью ономастики и выступают как имена-знаки в языке. В географических наименованиях определённым образом «консервируется» лингвокультурная информация. Благодаря своей устойчивости, топонимы приобретают способность сохранять и передавать её» [13].

Топонимы, как справедливо отмечают исследователи, «являются одними из наиболее значимых единиц в национальном сознании, то есть словами, требующими особого изучения и семантизации» [9, с. 208].

Гидронимы являются не просто собственно географической категорией. Они носят ярко выраженный этнолингвистический характер. Прежде всего, это связано с влиянием географических объектов на менталитет народа. Как известно, русский национальный характер формировался под влиянием полей, степей, лесов и рек. Волга – самая длинная русская река. С ней связано множество легенд, поверий, примет. С этнолингвистической точки зрения анализируемый топоним существенно обогащает топонимическую картину мира в составе языковой картины мира.

Река занимает особое место в ментальном мире русского народа. При этом Волга для жителей России становится архетипом реки вообще: этот гидроним употребляется для обозначения любой большой реки.

Волга – образец национальной гендерно мотивированной метафоры: *Волга – матушка*, т.е. *прародительница*. Синонимами к слову Волга являются лексемы *матушка, мамуля, мамочка, мама*.

Волга на протяжении всей долгой российской истории являлась многоплановым речным символом. С одной стороны, она отражала все архитипичные культурные парадигмы (рождение, смерть, слово, песня, любовь, свобода), но вместе с тем она была уникальным примером гидрополитического характера. Она воспринималась как важное явление, тесно переплетающееся с историей России. Россия и Волга в сознании многих россиян были явлениями взаимозаменяемыми или взаимодобавляемыми [44; 50; 51].

В гнездо с вершинным словом Волга входят нарицательные лексемы (например, волга – ручей, образующийся во время половодья; русло такого ручья); устойчивые сочетания и фразеологизмы, включающие сам гидроним (Волга-матушка; Волга ходит долго (об умном, опытном человеке, умеющем с выгодой для себя выполнить любое дело); как Волга (о веселом, бойком и быстром человеке). Они образуют ядро языкового образа Волги. Периферию составляют свободные текстовые сочетания, например, пословицы и поговорки (на словах Волгу переплывает, а на деле – ни через лужу (о хвастливом человеке), Волга всем рекам мать). Данные Национального корпуса русского языка подкрепляют или дополняют системно-языковой портрет Волги. Например, с гидронимом Волга сочетаются прилагательные нижняя/верхняя/средняя, большая, величественная, синяя, старая, великая, славная, широченная, полноводная, просторная, величавая, задумчивая, длинная, могучая, глубокая, разбойная, бескрайняя, царственная, вольная и другие.

Анализируя этнолингвистический характер топонимов в русской языковой картине мира, нельзя не обратиться к значимости реки в мире славян вообще. Издревле славяне поклонялись рекам, считали, что они текут в конец Белого Света и связывают его с тем Светом. Река - это не только граница между мирами, это и дорога в иной мир, и множество обрядов было связано с этой идеей. Славяне обожествляли реки и почитали водные мифические существа. Об этом свидетельствовали Прокопий Кессарийский (6 век), Лев Диакон (10 век), Григорий Богослов (11 век) (СМ 1995: 333). Особо уважительное, любовное отношение к реке русских Владимир Чивилихин объясняет тем, что история русского народа неразрывно связана с реками. На реках располагались древнейшие поселения, первые русские города все без исключения обосновались также на реках. Все сферы жизни наших предков были связаны с рекой: она кормила, была торговым путём, приносила доходы от пошлин, взимаемых с иноземных купцов, защищала от врагов, так как именно у водных преград возводились системы крепостей, а также была обожествленной, олицетворенной сущностью, которая копила и хранила духовные богатства народа.

Опираясь на утверждение словацкого учёного Павла Шафарика, что в праславянском языке река называлась “руса” (“rusa”), Владимир Чивилихин делает следующий вывод: “Если “руса” - это “река” - извечное место поселений наших предков, с которой всегда был так тесно связан их образ жизни и верования, “рус” - праславянский корень, образовавший такое большое гнездо слов только в русском языке, Рус - уже полузабытое мифическое днепровское божество, то обобщённый этноним “руссы” или “руссы” - издревле значило “живущие на реках”, “жители рек”, “речной народ” [18; 24].

В качестве ещё одного аргумента в пользу “речной” этимологии слова “руссы” Владимир Чивилихин приводит публикацию профессора Ф.И. Кнауэра “О происхождении имени народа Русь”, в которой исследователь в

результате скрупулёзного филологического анализа доказывает тождество упоминавшейся в древнеиндийских гимнах “Ригведы” мифической реки *Rasa* - “великой матери”, также реки *Ranha* из священной книги древних персов “Авесты” и *Raha*, отделявшей Европу от Азии у более поздних персов, с древним названием Волги — *Ра*. Это название обрело впоследствии такие формы, как *Рос* у греков и арабов, *Рось*, *Русь*, *Роса*, *Руса* у славян. Этими топонимами были названы многочисленные северо-западные реки на новых местах расселения народа, вышедшего в глубокой древности с Волги [50]. Профессор Ф.И. Кнауэр приходит к выводу, что “... имя народа “русь” чисто славянского происхождения” и “в точной передаче слова означает не что иное, как “приволжский народ” [50].

Обе приведенные В. Чивилихиным гипотезы по существу не противоречат друг другу, предполагают “речную” этимологию этнонима “русы”.

Высокий сакральный статус реки в русском национальном космосе, глобальность её функций и значений в языковой картине мира, плотная концентрация в этом образе этнически ценностной информации могут служить доказательством в пользу “речной” этимологии слова “руссы” и позволяют говорить о реке как об архетипе - древнейшем изначальном типе, универсальном, всеобщем образе коллективного бессознательного русского этноса. Река - один из наиболее ёмких и многозначных фольклорных образов. Но всё же главное его значение - граница, граница между своей землёй и чужой, между миром живых и миром мёртвых. С этой идеей связано множество обрядов, культовых действий, совершаемых нашими предками на реках.

В древнейшем памятнике “Велесовой книге” реализуются обе граничные функции реки - естественной пространственной границы и сакральной. *“ И вот Германорех отступил, / и готы ушли за малую Калку / и утекли к берегу Моря. / И так земля освободилась до Дона и / по ту сторону*

Дона-реки. / И это Калка великая – есть / граница между нами и / прочими племенами.” (Велесова книга 1993: 290).

Таким образом, топонимическая картина мира является неотъемлемой частью языковой картины мира. Гидронимы, как и другие топонимы, выступают в языке как имена-знаки. В географических наименованиях определённым образом кодируется лингвокультурная информация. Благодаря своей устойчивости, гидронимы приобретают способность сохранять и передавать её.

1.2.3. Особенности семантики гидронимов в русской топонимической картине мира

Исходя из позиций, изложенных выше, гидронимы относятся к единицам, функционирование которых обусловлено национально-культурными представлениями. И это отражается в том числе в семантике гидронимов.

Анализ гидронимов позволяет проследить этнические и миграционные процессы, пути заселения и направления миграции народов, выявить контакты, системные связи между различными этносами и историческую смену одного этноса другим, воссоздать географические условия местности, исторические события, этнолингвистическое прошлое, представить этнокультурный фон. Язык в таком контексте рассматривается как ключ к новым научным открытиям [16; 19; 20; 21; 30; 34; 37; 38].

Гидронимы часто отражаются в названиях населённых пунктов. Например, имя города Москва известно в летописях с 1147 года. Москва-река, давшая имя городу, была известна племенам, проживавшим ранее на территории нынешней Московской области. Бывают случаи, когда название

реки вторично и образуется от населённого пункта. Река Пскова - г. Псков, озеро Ладожское - город Старая Ладога.

Вторая жизнь гидронимов - переход собственного имени рек в названия других объектов. Так, от имён рек происходят названия некоторых минералов. Амазонит, байкалит, тунгусит, чароит, белоречит... «Речные» имена встречаются и в литературных произведениях. Онегин, Печорин - известные персонажи поэм А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова. Известный лидер русских марксистов Г.В. Плеханов имел партийный псевдоним А. Волгин.

На территории Ивановской области встречаются гидронимы финно-угорского происхождения: Теза, Немда, Мера, Желвата. Также финно-угорский «след» просматривается в названиях городов, поселков и деревень - Кинешма, Решма, Кохма. Следует заметить, что мерянские топонимы и особенно гидронимы остались устойчивыми и сохранились, даже когда уже были забыты коренные обитатели этих мест - финно-угры.

Таким образом, гидронимы носят и концептуализированный характер

Подробному описанию отраженных в языке знаков русской культуры (реальных предметов, явлений, действий, абстрактных объектов, архетипических образов, мифологических сюжетов и т. д.) уделяется внимание в теоретических исследованиях А. Афанасьева, Ю. Лотмана и др.

Безусловно, к прецедентным знакам любой национальной культуры в первую очередь относятся имена собственные, обладающие богатыми ассоциативно-семиотическими возможностями. Некоторые из таких знаков перерастают в подлинные символы.

В частности, семиозис культуры отчетливо проявляется в топонимических наименованиях, ибо они представляют собой «типичные описания языковых знаков в их назывательной функции». Одним из таких

наиболее существенных символов русской истории и культуры выступает река Волга.

Очевидно, название Волги в славянских языках восходит к понятию «волглый», т. е. влажный .

Поволжье (как Киев, Новгород, Москва, Петербург и др.) является одним из наиболее существеннейших духовно-консолидирующих центров русской культуры. Река Волга (Итиль, Идель – у юго-восточных народов) как определенная граница русского этноса мыслится уже в летописях X в. Начиная с XVI столетия на Волге происходят значительные события (аналогичные Куликовской битве и Ледовому побоищу), связанные с сохранением государственной мощи и суверенитета русской нации. Таковыми, с точки зрения историков, являются падение Казанского (1552 г.) и Астраханского (1556 г.) ханств (последних близлежащих оплотов Золотой Орды), усмирение бунта 1670-671 гг. под предводительством Степана Разина, Сталинградская битва 1942-1943 гг.

С древнейших времен на Руси образ великой реки актуализируется в топонимических мифах. В этих сказаниях Волга обретает человеческий облик. Она – сестра нетерпеливой Вазузы и лукавой Западной Двины. У красавицы Волги есть братья – бурный Днепр и глубоководное Ильмень-озеро.

Общерусские тексты, издавна бытовавшие на Волге, характеризуются духом вольности, удалства. Уже в исторических песнях XVI в. отражается расширение границ пространственного мышления средневекового русича, появление масштабного взгляда на историю своего этноса. С этого времени Поволжье становится отправной точкой для последующего приращения Русского государства (походы Ермака в Сибирь, завоевания Петра I и др.)

В одически-возвышенной поэме «К Волге» поэта XVIII в. И. Дмитриева звучит торжественный гимн в честь великой реки, символизирующей историческую славу россов и красоту русской природы.

Народная память сохранила предания о Степане Разине, окутала его имя ореолом бессмертия.

Начиная с VII в. имя Разина в народно-христианском восприятии связывалось с представлениями о царе-избавителе, страдальце за народное счастье либо Антихристе.

Следуя народным традициям А. Пушкин создает цикл «Песен о Стеньке Разине».

Традиции поволжской народной песни в XIX в. были подхвачены Н. Некрасовым. В его сочинениях сохранена тематика, ритмомелодика, символика народного стиха.

По существу, в отечественной литературе Некрасов явился выразителем русской боли. В стихотворении «На Волге» он говорит о рабстве поневоле – тяжком труде бурлаков.

В живописи эту тему подхватил И. Репин. Однако в картине «Бурлаки на Волге» он несколько иначе, чем Н. Некрасов, представил своих героев.

Волга и Поволжье вдохновляли к созданию произведений на подлинно русские сюжеты Г. Державина, К. Рылеева, И. Крылова, М. Салтыкова-Щедрина, Н. Островского, Н. Чернышевского, М. Горького, А. Толстого, В. Хлебникова, В. Шукшина и др. отечественных авторов.

Пребывание на Волге вызвало множество впечатлений и у А. Чехова с И. Левитаном.

Из всех городов, основанных на берегах великой реки, особое место в истории России XX века занимает Волгоград. Возникший в XVI в. как город-

крепость, Царицын был сначала сторожевым городом, затем промышленным центром. Победа 1943 г. под Сталинградом явилась переломным моментом в ходе Второй мировой войны. Именно в те суровые для Отечества времена родился призыв, обращенный к глубинам исторической памяти россиян: «За Волгой для нас земли нет!»

Образ Волги как пограничная зона или как один из наиважнейших центров русской культуры, а также как символ единства всех этносов, проживающих в России, мыслится уже в народных эпосах средневековья и в литературных сочинениях современных национальных поэтов.

В лирике национальных поэтов России XX столетия нерушимость дружественных уз с русским народом олицетворяют притоки Волги — Ока, Кама, Волго-Донской канал, пейзажи, сходные с картинами природы поволжского края.

Вышеприведенные примеры из литературы, фольклора и изобразительного искусства подтверждают историко-культурную и эстетическую природу ментально-«географического» знака отечественной действительности — реки Волги. В произведениях художественной литературы и изобразительного искусства явление топонимики превращается в многосмысловой знак — емкий образ. Например, река Волга, образ которой анализируется во второй главе исследования, символизирует мощь и красоту самой России.

Таким образом, гидронимы относятся к единицам, функционирование которых обусловлено национально-культурными представлениями. И это отражается в том числе в семантике гидронимов. Ввиду этого топонимы нередко носят концептуализированный характер.

Выводы по главе I

В первой главе, посвящённой рассмотрению лингвистических аспектов описания гидронимов, были рассмотрены понятие и классификация гидронимов, гидронимы были охарактеризованы относительно их места в составе топонимической лексики; был описан этнолингвистический характер гидронимов; была проанализирована семантика гидронимов в точки зрения её национально-культурных особенностей.

В результате теоретической части магистерской диссертации нами был сделан ряд выводов, которые приведены ниже.

1. Гидронимы – один из классов топонимов. Это географические названия, обозначающие водные пространства (реки, озёра, моря, заливы, проливы, каналы). Названия водных объектов сохраняются веками и тысячелетиями, поэтому гидронимы имеют очень высокую лингвоисторическую ценность.
2. Топонимическая картина мира является неотъемлемой частью языковой картины мира. Гидронимы, как и другие топонимы, выступают в языке как имена-знаки. В географических наименованиях определённым образом кодируется лингвокультурная информация. Благодаря своей устойчивости, гидронимы приобретают способность сохранять и передавать её.
3. Для описания гидронимов в лингвистическом аспекте используются следующие методы:
 - 1) Анализ топонимии производится лингвистическими средствами словообразовательного (структурно-грамматического) метода, который базируется на изучении массово повторяющихся элементов названий. В роли таких элементов, обычно называемых формантами (от латинского *formans* – «тот, кто образует»), чаще всего выступают конечные элементы

названий, представляющие собой суффиксы или окончания. Остальные элементы названий (приставки, основы) также представляют интерес с точки зрения изучения топонимического словообразования. Однако, обладая меньшей массовостью, они представляют меньшую научную ценность. Примеры формантов – «-ичи» (Барановичи, Ивацевичи, Ляховичи), «-ово» (Соколово, Петрово, Вороново), «-ка» - Петровка, Ивановка, Каховка и т.д. Многие сторонники этого метода считают его очень надежным, так как массово повторяющиеся элементы в названиях дают серьезную базу для суждения об их типологии и о миграциях населения, переносящих топонимы на новые места.

- 2) Определенное место при обработке полученной информации принадлежит статистическому методу. С его помощью устанавливаются количественные соотношения топонимов с иными категориями названий, выявляются количественные показатели и соотношения различных категорий топонимов. Во многом данные статистики опираются на картографические материалы исследования.
- 3) Географические и исторические причины нередко требуют уточнения непосредственно на местности. Иногда решение поставленного вопроса не является простым и помимо историко-географической и лингвистической информации требует привлечения дополнительных местных фактов.
4. Примеры из литературы, фольклора и изобразительного искусства подтверждают историко-культурную и эстетическую природу ментально-географического знака отечественной действительности – реки Волги. В произведениях художественной литературы и изобразительного искусства явление топонимики

превращается в многосмысловой знак — емкий образ. Волга, образ которой анализируется во второй главе исследования, символизирует мощь и красоту самой России.

5. Гидронимы относятся к единицам, функционирование которых обусловлено национально-культурными представлениями. И это отражается в том числе в семантике гидронимов. Ввиду этого топонимы нередко носят концептуализированный характер.

Глава II. Объективация гидронима «Волга» в русской языковой картине мира

2.1. Место гидронима «Волга» русской топонимической картине мира

Подробному описанию отраженных в языке знаков русской культуры (реальных предметов, явлений, действий, абстрактных объектов, архетипических образов, мифологических сюжетов и т. д.) уделяется внимание в теоретических исследованиях А. Афанасьева, Ю. Лотмана и др. [1; 2; 6; 10; 11; 14; 15-18; 24; 27; 28; 31; 36; 45; 48-50].

Безусловно, к прецедентным знакам любой национальной культуры в первую очередь относятся имена собственные, обладающие богатыми ассоциативно-семиотическими возможностями. Некоторые из таких знаков перерастают в подлинные символы. В частности, семиозис культуры отчетливо проявляется в топонимических наименованиях, ибо они представляют собой «типичные описания языковых знаков в их назывательной функции». Одним из таких наиболее существенных символов русской истории и культуры выступает река Волга.

Очевидно, название Волги в славянских языках восходит к понятию «волглый», т. е. влажный .

Поволжье (как Киев, Новгород, Москва, Петербург и др.) является одним из наиболее существеннейших духовно-консолидирующих центров русской культуры. Река Волга (Итиль, Идель — у юго-восточных народов) как определенная граница русского этноса мыслится уже в летописях X в. Начиная с XVI столетия на Волге происходят значительные события (аналогичные Куликовской битве и Ледовому побоищу), связанные с сохранением государственной мощи и суверенитета русской нации. Таковыми, с точки зрения историков, являются падение Казанского (1552 г.)

и Астраханского (1556 г.) ханств (последних близлежащих оплотов Золотой Орды), усмирение бунта 1670—1671 гг. под предводительством Степана Разина, Сталинградская битва 1942—1943 гг.

С древнейших времен на Руси образ великой реки актуализируется в топонимических мифах. В этих сказаниях Волга обретает человеческий облик. Она — сестра нетерпеливой Вазузы и лукавой Западной Двины. У красавицы Волги есть братья — бурный Днепр и глубоководное Ильмень-озеро.

Общерусские тексты, издавна бытовавшие на Волге, характеризуются духом вольности, удалства. Уже в исторических песнях XVI в. отражается расширение границ пространственного мышления средневекового русича, появление масштабного взгляда на историю своего этноса. С этого времени Поволжье становится отправной точкой для последующего приращения Русского государства (походы Ермака в Сибирь, завоевания Петра I и др.)

В одически-возвышенной поэме «К Волге» поэта XVIII в. И. Дмитриева звучит торжественный гимн в честь великой реки, символизирующей историческую славу росссов и красоту русской природы.

Народная память сохранила предания о Степане Разине, окутала его имя ореолом бессмертия.

Начиная с VII в. имя Разина в народно-христианском восприятии связывалось с представлениями о царе-избавителе, страдальце за народное счастье либо Антихристе.

Следуя народным традициям А. Пушкин создает цикл «Песен о Стеньке Разине».

Традиции поволжской народной песни в XIX в. были подхвачены Н. Некрасовым. В его сочинениях сохранена тематика, ритмомелодика, символика народного стиха.

По существу, в отечественной литературе Некрасов явился выразителем русской боли. В стихотворении «На Волге» он говорит о рабстве поневоле — тяжком труде бурлаков .

В живописи эту тему подхватил И. Репин. Однако в картине «Бурлаки на Волге» он несколько иначе, чем Н. Некрасов, представил своих героев.

Волга и Поволжье вдохновляли к созданию произведений на подлинно русские сюжеты Г. Державина, К. Рылеева, И. Крылова, М. Салтыкова-Щедрина, Н. Островского, Н. Чернышевского, М. Горького, А. Толстого, В. Хлебникова, В. Шукшина и др. отечественных авторов.

Пребывание на Волге вызвало множество впечатлений и у А. Чехова с И. Левитаном.

Из всех городов, основанных на берегах великой реки, особое место в истории России XX века занимает Волгоград. Возникший в XVI в. как город-крепость, Царицын был сначала сторожевым городом, затем промышленным центром. Победа 1943 г. под Сталинградом явилась переломным моментом в ходе Второй мировой войны. Именно в те суровые для Отечества времена родился призыв, обращенный к глубинам исторической памяти россиян: «За Волгой для нас земли нет!»

Образ Волги как пограничная зона или как один из наиважнейших центров русской культуры, а также как символ единства всех этносов, проживающих в России, мыслится уже в народных эпосах средневековья и в литературных сочинениях современных национальных поэтов.

В лирике национальных поэтов России XX столетия нерушимость дружественных уз с русским народом олицетворяют притоки Волги — Ока, Кама, Волго-Донской канал, пейзажи, сходные с картинами природы поволжского края.

Вышеприведенные примеры из литературы, фольклора и изобразительного искусства подтверждают историко-культурную и эстетическую природу ментально-«географического» знака отечественной действительности — реки Волги. В произведениях художественной литературы и изобразительного искусства явление топонимики превращается в многосмысловой знак — емкий образ. Река Волга символизирует мощь и красоту самой России.

Таким образом, гидроним «Волга» представляет собой «сложную устойчивую лексическую систему, отражающую важные историко-культурные события в номинациях географических объектов.

2.2. Национально-культурный потенциал гидронима «Волга» в русской языковой картине мира

2.2.1. Объективация гидронима «Волга» по данным энциклопедических и лексикографических источников

Проанализируем хронологию названий Волги по данным энциклопедических источников [56; 58; 64].

Великая русская река на протяжении времен именовалась по-разному. У нее было несколько старинных названий.

Древние руссы Волгу называли *Ру*. Так она именовалась на протяжении не менее двух тысяч лет. В XIII веке, в связи с нашествием татаро-монголов на Русь, это имя постепенно забыли. Но казаки пользовались им вплоть до XVI в, а еще старое название реки Волга сохранилось в народных преданиях.

Есть предположение, что «Ру» – это сокращенное слово от «Русь». В далекие времена Ру на всем протяжении принадлежала русским.

По сведениям историков, скифы уже в VII–II вв. до н.э. называли Волгу Ра. В древнейших литературных писаниях индоевропейцев «Ригведа» и «Авеста» (конец II-начало I тысячелетия до н.э.) ее именуют Ранха (Ранга). Впоследствии это название сократили.

Древние греки тоже знали Волгу под именем Ра (Рау). Так называл ее низовья Клавдий Птолемей в «Руководстве по географии», которое было издано во II в. н.э. Интересен и тот факт, что поволжская мордва и сейчас называет реку Рау. В греческом языке и латыни корень «ра» означает «истечение». Некоторые исследователи рассматривают Ра как «щедрость». Другие предполагают, что слово переводится с индоевропейских наречий как «спокойная вода».

Еще древнее название Волги связывают с растением. По воспоминаниям римского историка Аммиана Марцеллина, который жил в IV в.н.э., по берегам водоема рос ревеня. Вот что писал ученый: «Недалеко от Дона течет река Ра, на берегах которой водится растительный корень того же имени, годный на различные лекарственные употребления».

Византийцы называли Волгу *Атель*. Это «величайшая река, стекающая вниз от океана по земле сарматов и называемая Атель» – такое упоминание встречается у летописца Феофана Исповедника (около 760–818) из Византии.

В литературе арабов и персов древнее название реки Волга имеет много вариантов: *Итил, Исил, Атил, Афил*. У арабов было весьма смутное представление об истоке и притоках Волги, поэтому такими вариантами именовали не только ее нижнее и среднее течение, но и часть бассейна Камы и Белой.

Первые упоминания о великой русской реке, дошедшие до нас, содержатся в «Повести временных лет» – летописном своде, который создан Нестором в XII веке.

Но от каких слов и как образовалось привычное нам название реки? Отвечая на эти вопросы, исследователи выдвигают ряд гипотез.

Первая гипотеза. Название образовано от существительного «влага». У наших предков славян понятия «влажный», «мокрый», «болотистый» обозначались словами «волглый» и «волога». «Волга» созвучно существительному «влага», а исток как раз расположен среди болот. Эта гипотеза считается самой популярной. Противники версии утверждают, что название реки гораздо старше славянских слов «волглый» и «волога». Трудно поверить в то, что такая большая водная артерия оставалась безымянной до заселения ее берегов славянами в IX–X вв. Существование водоемов на территории от Оки до Карелии с похожими именами (р. Волгайки, Вольга, Волгома, оз. Волгозеро) говорит о более раннем времени их.

Вторая гипотеза. Балтийские племена заселяли истоки и верховья Волги до начала II тысячелетия, поэтому некоторые ученые настаивают, что имя образовано от слова «валка». У балтов «валка» – «текущий ручей; небольшой ручей; ручей, текущий по болоту; родник».

Третья гипотеза. В верховьях Волги вплоть до IX века жили финны. Согласно мнению ученых, название образовано от финского слова «валге» – «светлый». Опровергающие это утверждение ссылаются на то, что реки с похожим именем есть в Чехословакии и Польше, где финны никогда не жили. В Чехословакии протекает Влга (Vhla), в Польше – Вильга (Wilga).

Четвёртая гипотеза. Наши предки часто давали имя реке по растению, которое росло на берегах. В южных русских говорах было слово «волха» (со значением «ель»), а в восточных говорах – «вольха» («ольха»).

Они созвучны с современным именем, поэтому слово «Волга» русского происхождения.

Пятая гипотеза. В статье президента Академии фундаментальных наук и академика РАН Андрея Александровича Тюняева «Этимология топонима Волга (и значение связанных слов)» представлена еще одна интересная версия.

Название реки объединило в себе старинные значения слов: великая (то есть большая), волглая (многоводная), вольная, волочащаяся (пролегающая), волость (земля), волна (вода). Таким образом, Волга – это «большая многоводная пролегающая по всей русской земле вода».

Шестая гипотеза. Интересную гипотезу выдвинул Евгений Александрович Бажанов в книге «Священные реки России». «Волга – это вода вольги – вольницы, тех, кто ходил в походы по воде на ушкуях и ладьях, кто укрывался на волжских берегах». Он утверждает, что название произошло от слова «воля», «вольница». От Ру до Волги – таков путь истории, который отразился в названиях великой русской реки. Возможно, споры ученых об этимологии гидронима продолжатся. Но не это главное, гораздо важнее осознавать, какую великую роль она сыграла в истории и культуре народов.

Обратимся к этимологическому словарю Фасмера [58]: «Волга 1. крупнейшая река Европейской части СССР, 2. приток Днепра; см. Маштаков, Днепр. Этому названию соответствует чеш. Vlna – река бассейна Лабь, польск. Wilga – река бассейна Вислы, отсюда вероятнее всего принять праслав. *Vьlga, ср. вóлглый, польск. wilgoć "влажность", с другой ступенью чередования: русск. волóга, ст.-слав. влага (ср. интонацию: -олó- и Вóлга, а не *Волгá); см. также Соболевский, ИРЯ 2, 168; Ильинский, ZfslPh 6, 105 и сл.; Торбьёрнссон 1, 102. Из *Повьлжье или *Повьлжье произошло др.-русск. Поволожье (Новгор. I летоп.), ср. вóложка. Фонетически невозможно

объяснение этого названия из фин. *valkea* "белый", эст. *valge*, стар. **valkeða* – см. у Розвадовского, RS 6, 49; Погодина, ИОРЯС 10, 3, 9; Преобр. 1, 91. Ср. Вóлогда. По Микколе (FUF 20, 127 и сл.), Вóлга является преобразованием др.-мар. **Jylǵ*, зап.-мар. *Jǽl*, вост.-мар. *Jul* (см. Вихман, Tschcr. T. 54), но последнее название объясняется из тюрк. (ср. тат., башк. *julǵa* "ручей, река", тат., казах. *ǵulǵa*, ногайск. *ǵulǵa*) и объяснять из него русск. Вóлга затруднительно в фонетическом отношении; см. также Леви, UJb. 16, 81; Маркварт, UJb. 9, 96. Древнейшее название Волги – `Рѣ у Птолемея, морд. э. *Rav*, *Ravo*, морд. м. *Rava*, обычно объясняемое из индо-ир.; ср. авест. *Raṇhā*, др.-инд. *Rasā*; см. Э. Кун, KZ 28, 214 и сл.; Мункачи, KSz 11, 157; Маркварт, Streifzüge 378. Тойвонен (JSFOu 56, 22 и сл.) объясняет морд. э. *Rav* из индо-ир. **Sravā*, ср. др.-инд. *sraṇā* "течение" (подробно на óстров). Менее приемлемо сравнение `Рѣ с фин. *gара* "грязь, ил", эст. *gaba*; см. Миккола, FUF 20, 126 и сл. Распространено, наконец, в качестве названия Волги: чув. *Atäl*, *Adyl* (Ашмарин 2, 141), тат. *Idyl*, чагат. *Aṭil*, *Aḍil*, казах. *Edil*, тат. *Kara Idyl* "Волга", *Ak Idyl* "Кама или Белая" (Радлов 1, 842, 850, 857, 1509), монг. *Iḷil*, *Eḷil*, калм. *Idžl*; см. Рамстедт, KWb. 205. См. Ити́ль. •• [Сомнительна этимология Махека (SPFFBU, 2, 1953, стр. 136 и сл.): русск. Волга, чеш. *Vlha*, польск. *Wilga* – от названия птицы русск. иволга, чеш. *vlha*. – Т.]. Приведённые наименования подтверждают специфику реки, рассмотренную в приведённых выше гипотезах.

В лексикографических источниках зафиксировано немало пословиц и поговорок, в которых Волга ассоциируется с Родиной, семантика великой реки рассматривается в контексте антитезы «родина – чужбина» и др. Ср.:

- *Волга - плыть долго, а Дунай - широко.* - пословица про Родину и чужбину

- *Волга впадает в Каспийское море.* - крылатое выражение, афоризм

- *Волга всем рекам мать.* - пословица про Родину и чужбину
- *Волга добрая лошадка: все свезет.* - пословица про дороги и путешествия
- *Волга-матушка - глубокая, раздольная, разгульная.* - пословица про Родину и чужбину
- *Волга-матушка широка и долга.* - пословица про Родину и чужбину
- *Здесь народ - Волга.* - пословица про оплошность и расторопность
- *Знать ямскую по столбам, а Волгу по крутым берегам.* - пословица про поверья
- *Зубчане - таракана на канате на Волгу поить водили.* - пословица про Родину и чужбину
- *Клади весла - молись богу (говорили на Волге при опасности).* - пословица про радость и горе
- *Когда нечем заплатить долгу, ехать будет на Волгу.* - пословица про долги и займы
- *Лед на Волге не становится в светлую ночь (в полнолуние).* - пословица про растения и земледелие
- *На словах - Волгу переплывет; а на деле - ни через лужу.* - пословица про правду, ложь и обман
- *Не Стенька: на ковре по Волге не поплывешь.* - пословица про волю и неволю
- *Нечем платить долгу, так идти на Волгу.* - пословица про труд и безделье

- *Просит осетр дождя, в Волге лежа.* - пословица про толк и бестолковость
- *Толокном Волгу замесили.* - пословица про Родину и чужбину
- *Толокном Волгу не замесишь.* - пословица про поверья

Таким образом, в лексикографических источниках зафиксировано немало пословиц и поговорок, в которых Волга ассоциируется с Родиной, Русью, рождением, земледелием, тяжёлым трудом и др. Семантика великой реки раскрывается в контексте оппозиций «родина – чужбина», «рождение – смерть», «воля – неволя», «горе – радость» и др.

2.2.2. Объективация гидронима «Волга» по данным Национального корпуса русского языка

Для выявления национально-культурной специфики гидронима «Волга» в русской языковой картине мира, мы проанализировали материалы Национального корпуса русского языка и данные ассоциативных экспериментов.

Река Волга – самая крупная река европейской части России и самая большая река Европы. Берет свое начало на Валдайской возвышенности на высоте 228 м, из родника в селе Волго-Верховье Тверской области и, протекая по всей территории Центральной России, впадает в Каспийское море.

Наши предки славяне называли реку Волгу «большая вода». Думается, за счет ее огромных размеров. Смотришь на нее, смотришь – и, кажется, время останавливается. По мнению Александра Дюма, Волга – царица наших рек. Она – защитница, кормилица и заступница. Река кормит и поит людей,

она является естественной преградой от врагов. Волгу называют матушкой. Ведь именно Волга была основным путем, соединяющим Европу и Азию.

Волга считается любимым символом России. В различных песнях и стихах она всегда славилась как "мать-река", "матушка-Волга". Из поколения в поколение передавались волжские легенды, были, сказания, предания. Эта фольклорная традиция привлекала к себе внимание многих поэтов прошлого века. Тема Волги в русской поэзии уже давно заняла особое место. В народном фольклоре, творчестве писателей, поэтов, художников широко отражена тема Волги матери, Волги кормилицы. Обобщив эти образы, можно сказать, что для русского человека Волга – это сама Жизнь.

Как бы ни менялась в дальнейшем Волга, она не перестанет быть для русского человека прекрасной, величественной, загадочной. А для литераторов - источником вдохновения.

Волга всегда вдохновляла деятелей культуры: произведения многих писателей посвящены быту ее жителей - например, П. И. Мельникова-Печерского, М. Е. Салтыкова-Щедрина, драматурга А. Н. Островского, поэта Н. А. Некрасова (автора известных строк: "О, Волга, колыбель моя, любил ли кто тебя, как я!"), знаменитого на весь мир Максима Горького, родившегося на Волге и правдиво описавшего жизнь ее простого народа.

Прославленным певцом великой реки стал и гениальный бас Федор Шаляпин, волжанин по происхождению, коронным номером которого была народная песня "Дубинушка", также посвященная тяжелой участи волжских бурлаков. Многих поэтов вдохновила Волга на стихи и песни, многих живописцев – на чудесные полотна. Волгу писали замечательные русские пейзажисты Ф. А. Васильев, И. И. Левитан, И. Е. Репин.

У каждого поэта и писателя тема Волги решается своеобразно, неповторимо. И, тем не менее, представляется возможным найти и нечто

общее, родственное в восприятии и отражении великой реки. Обратимся к образу Волги в поэзии И. И. Дмитриева

Волжская тема в поэзии заявила о себе только в конце 18 века, но и в фольклоре она развивалась задолго до этого. Широко известны такие народные песни, как *"Ах ты, Волга ли, Волга-матушка"*, *"Волга, реченька глубока"*, *"Вниз по матушке по Волге"*, *"Волга, моя матушка"* и др. Главной песней о Волге для россиян уже почти полвека остается эпически пронзительная ошанинская: *«Издалека долго течет река Волга, течет река Волга, конца и края нет»*, в которой человеческая жизнь и течение реки сплетены в единое целое. Откуда бы взяла свою единственную силу наша разливная народная песня, если бы не было у нас Волги, в дополнение к нашим утробным земным просторам?

Первооткрывателями волжской темы в поэзии, как известно, принято считать Н. М. Карамзина (*"Волга"*, 1793) и И. И. Дмитриева (*"К Волге"*, 1794).

«Воспоенные» Волгой симбиряне Н. М. Карамзин и И. И. Дмитриев, слагали в ее честь гимны, тем самым пытаясь возвеличить "на слабой лире" "священнейшую в мире реку", ". в искренних стихах смиренну дань оставить". Любуясь величавою Волгою, воспетою питомцами ее Карамзиным и Дмитриевым в Симбирске, почтим ее признательным приветом и там, где она еще, так сказать в младенчестве, струится тихо и смиренно.

Личность поэта Ивана Дмитриева и его мировосприятие формировала не только высокая культура семьи, её духовная самодостаточность. Сызранский уезд, симбирские и самарские земли времён Дмитриева — юго-восточная окраина России. Кругом — заволжские степи, реки, озёра и Волга. Просторы такие, что хоть три года скачи, никуда не доскачешь. Город Сызран выстроен худо, но необычайно красив по своему местоположению: в заливе Волги и разделяемый рекой Крымзой. Разливы рек по весне создавали

необычайной красоты живописные виды, возбуждавшие воображение. А сочетание воды, голубого неба и солнца наполняло бытие внутренним и внешним спокойствием. Дмитриев значительно расширил жанровое многообразие сентиментальной поэзии.

В стихотворении «К Волге» (1794) возникает лирический образ поэта, восхищенного красотой и величием Волги:

*Конец благополучну бегу!
Спускайте, други, паруса!
А ты, принеся ко брегу,
О Волга! рек, озер краса,
Глава, царица, честь и слава,
Прости!. Но прежде удостой
Склонить свое вниманье к лире
Певца, незнаемого в мире,
Но воспоенного тобой!
Исполнены мои обеты;
Свершилось то, чего желал
Еще в младенческие леты,
Когда я руки простирал
К тебе из отческие кущи,
Взирая на суда, бегущи
На быстрых белых парусах!
Свершилось, и блажу судьбину:
Великолепну зрел картину!
И я был на твоих волнах!*

А далее вид великой реки рождает воспоминания о прошлом Отечества, поэт вспоминает рать «грозна Иоанна», ордынцев, в стихотворении возникает и образ Разина.

Тяготясь «скучной унтер-офицерской службой», Дмитриев часто испрашивал длительные отпуска, которые проводил в родных местах на Волге. Служебные досуги посвящал изучению «правил поэзии» и стихотворству, подражая, в основном, французским авторам легких стихов. Первые, публиковавшиеся анонимно в 1777–1782, литературные опыты оказались неудачны и успеха не принесли. Однажды, будучи в театре, Дмитриев услышал, что стихи его называют «глупыми», и надолго перестал печататься. Умер Дмитриев 3(15)октября 1837, окруженный почетом и уважением, хотя его творчество выглядело старомодным на фоне свершений пушкинской эпохи. Прах его покоится в Московском Донском монастыре.

Одним из первых Волгу воспел Н.М. Карамзин ("Волга", 1793). Образ Волги привлек внимание Н. М. Карамзина. Родился Николай Михайлович Карамзин 1 декабря 1766 года под Симбирском в дворянской семье. Детство его прошло на берегу Волги - величавой реки, "священнойшей в мире" (как она названа в одном из его стихотворений). Отдавшись писательской деятельности, он стал одним из первых русских профессиональных литераторов. На берегах Волги он ведет «рассеянный образ жизни»: делает визиты знакомым семьям, не чурается карточного стола, посещает балы. В то же время читает Шекспира и переводит Эдуарда Юнга. Питая интерес к деятельности «вольных каменщиков», Карамзин вместе с И. А. Тургеневым, соратником Новикова, выехал из Симбирска в Москву. Едва ли не главная заслуга Карамзина-пейзажиста - осознание глубинной поэтичности самой природы как предмета созерцания и источника вдохновения. Слова "Природа", "Натура" пишутся у Карамзина с прописной буквы: в его творчестве впервые создается, в русле руссоистских влияний, поэтический культ природы как таковой, отсюда и значение пейзажа, как средства

"воспитания души". В стихотворениях "Поэзия", "Дарования" - раздумья поэта-пейзажиста о высших целях своего творчества, призыв к созерцанию природы, которая своей красотой облагораживает нравы и умиротворяет страсти. У Карамзина впервые поэзия вообще и пейзажная в особенности размышляет о самой себе.

*Река священнейшая в мире,
Кристалльных вод царица, мать!
Дерзну ли я на слабой лире
Тебя, о Волга! величать,
Богиней песни вдохновенный,
Твоею славой удивленный?
Дерзну ль игрою струн моих,
Под шумом гордых волн твоих —
Их тонкой пеной орошаясь,
Прохладой в сердце освежаясь —
Хвалить красу твоих берегов...*

В своих произведениях Карамзин изобразил образы родных и знакомых, виды волжской природы. Его стихотворение «Волга» (1713) открывает антологию о «реке, священнейшей в мире, кристалльных вод царице-матери». Хрестоматийными стали строчки Карамзина из письма к брату (от 6 июня 1808): «Симбирские виды уступают в красоте немногим в Европе». Это неизбывная любовь заставляла его не раз слетать «воображением на берег Волги, Симбирский Венец» Трагизмом пронизаны слова Карамзина к И. Дмитриеву в письме от 9 июля 1825: «Любезный Симбирск, Волга, Свяга! Мне уже, вероятно, не видать вас»

Образ Волги в поэзии Н. М. Языкова

Иные смыслы приобретает Волга в эпоху романтизма в творчестве К. Н. Батюшкова, П. А. Вяземского, Н. М. Языкова и др. Их пейзажи, где Волга

выступает символом России, можно условно назвать "патриотическими". Очень часто их стихи строятся на антитезе "родина - чужбина", что дает возможность ярче, эмоциональнее выразить любовь к родной стране и прекрасной реке. Тема Волги у них неразрывно связана с темой Родины.

Непревзойденный певец водной стихии, ее освежительного воздействия на человека, симбирянин Н. М. Языков особенно любил Волгу.

Молю святое провиденье:

Оставь мне тягостные дни,

Но дай железное терпенье,

Но сердце мне окамени.

Пусть, неизменен, жизни новой

Приду к таинственным вратам,

Как Волги вал белоголовый

Доходит целый к берегам

Ей он посвятил наибольшее из всех крупных русских лириков количество стихотворений. Кипучему дару Языкова дорог образ взволнованной, брызжущей, потрясенной стихии. Он может считаться основоположником той линии в развитии национального пейзажа, которая подчеркивает не скромную, смиренную прелесть русской природы, а ее гордый простор, яркость, пышность, величавость ("Моя родина", "Чужбина", "Родина").

Образ Волги в поэзии Н. А. Некрасова

В середине 19 века, благодаря поэтам революционно-демократического лагеря, входит в русскую поэзию мотив "трудовой" Волги, бурлачества. Здесь уже романтическая традиция уступает место реалистической. Тема "природа и труд", органичная для поэта, порой передается с кольцовской бодростью, чаще же приобретает трагическое звучание. Он

противопоставляет "зрелище" цветущей природы "позору" невежества, нищеты, бесправия.

У них река ассоциируется прежде всего с малой родиной: родным селом, городом, родным домом. Они замечают, как сильно изменилась родная Волга, глядя на бегущие по ней пароходы, разрывается от боли сердце, когда смотрят они на вырубленные по берегам леса, на "плевки Горынычей стальных", на то, "как голубую телогрею Чернит без усталости мазут."

На берегах Волги прошло детство Некрасова Николая Алексеевича, сюда он постоянно приезжал и, будучи известным, признанным поэтом. Волге он посвятил свои лучшие строки. С детства знакомые ярославские, костромские, владимирские раздолья всегда были близки и милы сердцу Некрасова. Могучие просторы Волги, скромные деревеньки, разбросанные по её берегам, леса, поля, заливные луга постоянно влекли к себе поэта. Теперь Волга и Некрасов – понятия, вряд ли отделимые друг от друга в истории отечественной культуры.

Поздней осенью 1824 года будущий поэт вместе с отцом и матерью впервые приехал в родовое имение Грешнево. Грешнево расположено неподалёку от Волги; вокруг холмы, заливные луга, поля. На правой стороне Волги видны золотые купола Бабайского монастыря, о котором Некрасов рассказывает в стихотворении «Горе старого Наума». Вниз по Волге – крахмально-паточные заводы, затапливаемая в весеннее половодье Костромская низина, Кострома, Ипатьевский монастырь – величественный памятник древней архитектуры

Родовой дом Некрасовых стоял на самом конце Грешнева. Окна его выходили на столбовую дорогу – Ярославско-Костромской низовой тракт, который в народе называли Сибиркой. В усадьбе, по словам Некрасова, всего замечательнее был старый обширный сад, окружённый густыми липами.

В глубине сада, позади дома, располагались хозяйственные постройки: кухня, баня, людская и в самом дальнем углу стоял флигель с кирпичным первым и деревянным вторым этажами. В нём жили крепостные музыканты. Дом этот, назывался «музыкантской». Он сохранился до нашего времени. Совершенно особое место, как ни у кого другого из русских писателей, занимает Волга в жизни и творчестве Некрасова. Здесь в Грешневе, в доме отца, Некрасов учился «любить и ненавидеть». Невдалеке от Грешнева протекала река Волга. Вместе со своими деревенскими друзьями Некрасов часто бывал на волжском берегу. Целые дни проводил он здесь, помогал рыбакам, бродил с ружьем по островам и часами любовался вольными просторами великой реки:

О Волга!. колыбель моя!

Любил ли кто тебя, как я?

Но однажды мальчик был потрясен открывшейся перед его глазами картиной: по берегу реки, почти пригнувшись головой к ногам, толпа изможденных бурлаков из последних сил тянула огромную расшиву. А над нею как будто повисла тоскливая, похожая на стон песня:

И был невыносимо дик

И страшно ясен в тишине

Их мерный похоронный крик –

И сердце дрогнуло во мне.

("На Волге")

Вести о смертельной болезни поэта довели популярность его до высшего напряжения. Со всех концов России посыпались письма, телеграммы, приветствия, адреса. Они доставляли высокую отраду больному в его страшных мучениях. Написанные за это время "Последние песни" по искренности чувства, сосредоточившегося почти исключительно на воспоминаниях о детстве, о матери и о совершенных ошибках, принадлежат

к лучшим созданиям его музы. В душе умирающего поэта ясно вырисовывалось и сознание его значения в истории русского слова. В прекрасной колыбельной песне "Баю-баю" смерть говорит ему: "не бойся горького забвенья: уж я держу в руке моей венец любви, венец прощенья, дар кроткой родины твоей. Уступит свету мрак упрямый, услышишь песенку свою над Волгой, над Окой, над Камой". Некрасов умер 27 декабря 1877 г. Несмотря на сильный мороз, толпа в несколько тысяч человек, преимущественно молодежи, провожала тело поэта до места вечного его успокоения в Новодевичьем монастыре.

Образ Волги в творчестве И. А. Гончарова

По-своему воспел Волгу И. А. Гончаров. Он видел в ней, в пейзажах, ее окружавших, прежде всего тягу к гармонии, к красоте. Для писателя Волга, жители ее берегов — это неотъемлемая часть России, ее вчерашний, сегодняшний и завтрашний день. Внесение реки Волги в композицию "Обрыва" во многом помогло изобразить неповторимость и индивидуальность действующих лиц.

Река Волга, ее образ, показан в "Обрыве" в летние месяцы, да и сам роман зародился на ее берегу, недаром Гончаров многократно подчеркивал это обстоятельство⁴.

"В 1849 г. я уехал на Волгу, в Симбирск, на родину — и там в течение четырех летних месяцев у меня родился и развился в обширную программу план нового романа, — именно "Обрыв".

Перечисляя в "Необыкновенной истории", какие эпизоды он излагал Тургеневу, Гончаров не забывает упомянуть и про "картины Волги". В 1870 г. , спрашивая свою корреспондентку: "А сказать ли, когда задуман этот роман?" — писатель отвечает: "В 1849, когда я сам был на Волге — и хотя я там родился, но тут как будто в первый раз увидел этот край и людей. Там задумана была и Вера, никогда не существовавшая — это мой тогдашний

идеал. Марфиньки никакой я не знал никогда, а в Бабушке воплотились некоторые черты моей матери — как я замечаю теперь сам (когда вся она вылилась у меня) — еще другой старухи, которую знал студентом в Москве".

Река Волга у Гончарова больше, чем просто "предмет природы". Общаясь с нею, чаще опосредованно, чем лично, персонажи романа, подчас не замечая того, сами приоткрывают свой характер, мечты и настроения. Вне реки Волги роман вряд ли мог быть построен. Его действие невозможно, к примеру, "на берегах Невы"; или где-то вне России, как, скажем, роман И. С. Тургенева "Дым"; трудно представить поступки и судьбы героев "Обрыва" в другой российской провинции, где нет могучей Волги. Исторически сложившийся уклад жизни во многом предопределен местом действия. Так, в "Обрыве" "с одной стороны Волга с крутыми берегами и Заволжьем; с другой — широкие поля, обработанные и пустые, овраги, и все это замыкалось далью синевших гор" (ч. I, гл. VII). Это и география романа, и указание автора на главный пейзаж его книги. А вот и топография "Обрыва": это краткое описание маленького родового имения, доставшегося Борису Райскому "от матери". "Оно все состояло из небольшой земли, лежащей вплоть у города, от которого отделялось полем и слободой близ Волги, из пятидесяти душ крестьян, да из двух домов — одного каменного, оставленного и запущенного, и другого деревянного домика, выстроенного его отцом" (ч. I, гл. II). Здесь-то и жила Бабушка с двумя, тоже двоюродными, внучками-сиротами.

В свое время отмечалось, что в "Обрыве" нет пейзажа тушинской "берлога", тушинского "Дымка". Причина тому, на наш взгляд, в местонахождении имения Ивана Ивановича с паровой лесопилкой. Физически оно далеко от Волги, а ей подчинена в романе вся композиция, вся структура. Не будем забывать, что индивидуальность гончаровского пейзажа — это волжский простор.

Знаменитая река обладает иной раз переносным, а то и судьбоносным значением и смыслом. Эта гончаровская иносказательность проступает в книге осторожно и ненавязчиво.

Образ Волги, ее присутствие ощущается буквально во всех эпизодах романа, образ реки пронизывает все клеточки произведения. Волга-матушка, как часть романной структуры, влияет на ход действия. Именно переезды Веры за Волгу-реку, в Заволжье, составляют важную событийную сторону произведения, раскрывают существенные черты не просто го характера героини, влияют на переживания то Райского, то Тушина.

Волга – доминанта русского пейзажа в книге Гончарова. С точки зрения частоты упоминаний и обстоятельного описания реки, примечательны первые части романа, где речь идет о свежих впечатлениях Райского после его приезда в Малиновку. *«Райский бросил взгляд на Волгу, забыл все и замер неподвижно, воззрясь в ее задумчивое течение, глядя, как она раскидывается по лугам широкими разливами».*

Образ Волги помогает ярче, убедительнее показать внутренние противоречия тогдашней России. Итак, волжский пейзаж в "Обрыве" составляет тот структурный элемент, который способствует и помогает читателю понять духовные искания гончаровских героев, этих людей середины XIX в., их надежды, настроения, их духовные запросы, наконец, силу любви. Если мир русской природы в романах И. С. Тургенева тесно связан с Орловской и Курской губерниями, то огромная любовь к русской природе у И. А. Гончарова сосредоточена на Волге, ее просторах, ее берегах и, конечно же, на людях, там живущих

Образ Волги в поэзии Д. Н. Садовникова, фольклориста, этнографа, поэта. Учился в Симбирской гимназии, работал педагогом. Известен как собиратель. В сборнике «Сказки и предания Самарского края» (1884) Садовников опубликовал фольклор, записанный в

Поволжье (в основном от сказочника А. К. Новопольцева), в сборнике помещены материалы о Степане Разине. Интерес к народным движениям в

Поволжье выразился и в собственном творчестве Садовникова, в цикле стихов о Разине; лучшие из них – «Из-за острова на стрежень», «По посадку городскому» – стали народными песнями. Садовникова называют «певцом Волги». В своих стихах Садовников воспеваает русскую реку Волгу.

Образ Волги в поэзии В. А. Гиляровского

Волга оставила заметный след в жизни и творчестве В. А. Гиляровского, что он до конца дней своих любил великую русскую реку. Для В.А. Гиляровского Волга – царица:

*Волга-царица!. По ней пароходы
Пенят и режут могучие воды,
Кверху и к низу стрелою летят,
Зычно свистки паровые гудят,
Громкое эхо от них раздается,
Песня ж бурлацкая там не поется,
Лямкой бурлаки уж груди не трут,
Вытеснил пар человеческий труд.*

Произведения, воспоминания Гиляровского могут послужить для краеведов источником, свидетельствующим о том, как жили, работали люди на заводе свинцовых белил, как и где, отдыхали. Гиляровский был одним из последних писателей, кто обратился в своем творчестве к жизни бурлаков.

*Все-то мне грезится Волга широкая,
Грозно - спокойная, грозно-бурливая
Грезится мне та сторонка далекая,*

*Где протекала моя юность счастливая.
Помнится мне. На утесе обрывистом
Дубы высокие, дубы старинные,
Стонут они, когда ветром порывистым
Гнутся, ломаются ветви их длинные.
Воеет погодушка, роцца колышется,
Стонут сильнее все дубы громадные,
Горе тяжелое в стоне том слышится,
Слышится грусть да тоска безотрадная
Образ Волги в поэзии А. В. Ширяевца*

Любовь к Волге, к родному Поволжью проходит через все творчество Александра Ширяевца.

В одном из своих писем в 1917 году Сергей Есенин назвал Ширяевца: «Баюн Жигулей и Волги». Тема малой родины занимает одно из центральных мест в творчестве поэта.

*Есть ли что чудесней
Жигулей хребтов?
А какие песни
С барок и плотов!*

В первом сборнике стихов поэта «Запевка», изданном в 1916 году в Ташкенте тема Жигулей является одной из основных:

*Что мне дива Туркестана,
Груды серебра-добра,
Я глядеть на Волгу стану
С караульного бугра.*

После выхода из печати очередного сборника в местной газете появился отзыв критика: «Чувствуешь влажный волжский запах и ветер при

чтении стихов А. Ширяевца. Поэт, что называется, пропах Волгой. Его стих залихватский и звонкий. Такие стихи просятся наружу из груди Их петь над Волгой, в её лесах. Но поэт поет нам здесь, и мы видим эту дорогую исполинскую реку, слышим величественный ритм её богатых волн, чувствуем, как льется к нам в душу её влажный воздух».

Уплыву, как только вспенится

Волга - матушка река,

У бродяг душа не пленница,

Не дрожит у кошелька!

Люблю петь мне песни смелые,

Что поет по Волге голь,

Видеть волны - гребни белые.

Эх, зазноба, не неволь!

Ты неси быстрее, кормилица,

Наши барки и плоты!

Глядь, и ветер принасилится -

Будет меньше маяты!

Не меня пь краса румяная

Машет с берега рукой?

Да милей мне вопя пьяная,

Обручился я с рекой.

(«Бурлак»)

Образ Волги в поэзии А. Твардовского

Перед взором Твардовского поэта проплывает Волга- матушка, вобравшая в себя семь тысяч рек, Урал с его “главной кувалдой страны”, сибирская тайга, Байкал, Забайкалье, тысячеверстные просторы вплоть до Тихого океана. И невольно вырывается слово сыновнего признания:

Да, я причастен к этой гордой силе

И в этом мире - богатырь

С тобой, Москва,

С тобой, Россия,

С тобою, звездная Сибирь!

Волга – великая русская река. Она воплощает страну в своём многообразии и величии. Это символ России, Родины. Удивительная красота Волги, её многообразие во всех проявлениях – от природных ландшафтов до исторических событий - не перестанет быть для русского человека прекрасным, величественным, загадочным. А для литераторов - источником вдохновения. Волга словно волшебная, она не только вдохновляет, она завораживает. Увидев удивительные пейзажи, душа разворачивается, и поэтические строчки сами собой приходят на ум. Ничего бы всего этого не было, если бы когда-то из маленького родничка не разлилась эта замечательная, обворожительная река – Матушка Волга. Остаться равнодушным к Волге просто не возможно, поэтому поэты пишут необыкновенные, захватывающие душу стихи. Прочитав их произведение, можно ярко себе вообразить описываемое место и действие, где всё происходило. Волга – это широта души, глубина сердца, искренность чувств и слов поэта. Так, наш недавний современник, поэт Н. Благов писал:

И когда тебя втянет в простор этот синий,

И когда ты с рекою бессмертной, родной,

Только выдохнешь:

- Волга! - Только скажешь:

- Россия!-

Да умоешься вечно живою водой!

Как бы ни менялась в дальнейшем Волга, о ней не говорили бы так величественно, если бы она этого не заслуживала.

Алексей Васильевич Кольцов (1809-1842) с детских лет был вынужден принимать участие в делах отца - торговца скотом. «Вся жизнь купца-прасола часто проходит на колесах, еще чаще в седле. Он почти в постоянной "командировке": на Украине, на Дону, в поволжских степях и далее - вплоть до Северного Кавказа» [2]. Поэтому не удивительно, что топонимия стихов Кольцова не ограничивается теми местами, где он жил, названиями деревень, сел, то есть - микротопонимией Центрального Черноземья. В его стихотворениях и Дон, и Черное море, и Волга, и Москва, и Кавказ и т.д.

Рассмотрим некоторые из них, наиболее интересные с точки зрения их роли в художественном тексте.

В каждой стране, у каждого народа есть географические названия, с которыми соотносятся особо важные исторические события. У русского народа к таким названиям принадлежит Волга. Это самый частотный топоним в произведениях поэта. Волга у Кольцова почти всегда фольклорная: Волга-матушка, кормилица, как в стихотворении «Стенька Разин» (А по Волге, моей матушке, / По родимой, по кормилице...) [3].

В этом стихотворении олицетворение топонима Волга «усиливается» употреблением приложения матушка, глаголов повелительного наклонения и личного местоимения ты: *«Разбушуйся, непогодушка, / Разгуляйся, Волга-матушка! / Ты возьми мою кручинушку, / Размечи волной по бережку».*

Волга-матушка такой же символ вольности, молодецкой удали, как и сам Стенька Разин, восклицающий: «Мы с тобою птицы вольные».

Волга в качестве топонима упоминается в стихотворении «Последний поцелуй», в котором герой рассказывает, где живут его родители: «Есть за Волгой село / На крутом берегу» [С. 144].

В народном варианте этой песни, записанной в Оренбургской области, изображение родины героя «на крутом берегу» сохраняется, но Волга

заменяется Уралом: «За Уралом село» [4. С. 191]. В данном случае топоним играет роль привязки к определенной местности - действие происходит не где-то далеко, а на берегу родной Волги или Урала.

А.В. Кольцову приходилось часто бывать на юге Воронежской губернии и не только в украинских селах, расположенных там, но и, вероятно, на самой Украине. В ранней редакции стихотворения «Ночлег чумаков» Кольцов сам об этом рассказывает: *Бывал на ваших хуторах, / И замечал, где как живут, / Что горем, что добром зовут... / Приятно кашу есть сухую, / Украйны слушать речь простую* [С. 236].

Кольцов «неплохо знал украинский язык и пробовал писать на нем произведения в духе украинских народных песен» [5]. Подтверждением этому служат «Опыты малороссийской поэзии», написанные поэтом в 1829 году. Использование украинского варианта произношения топонима Украина - Украйна - свидетельствует о взаимопроникновении украинского и русского языков в поэзии Кольцова. Об этом же говорит и украинизм Гайдарь: Айдар - река в России и на Украине, левый приток Северского Донца. Река Айдар берет свое начало у села Новоалександровка Ровеньского района Белгородской области и впадает в реку Северский Донец уже на территории Луганской области. В стихотворении «К реке Гайдари» Кольцов использует украинский вариант названия этой реки, поскольку она протекает по пограничной между Украиной и Россией территории, так называемой Слобожанщи-не: «Катися, светлая Гайдарь, / Неси с собой мои стенанья!» [С. 94].

В лирике Кольцова упоминается образ Дона, одной из крупнейших рек России и Украины, берущей начало на Среднерусской возвышенности и впадающей в Таганрогский залив Азовского моря. Стихотворение

«По-над Доном сад цветет...» написано в форме лирического монолога-воспоминания: «По-над Доном сад цветет, / Во саду дорожка» [С. 69].

Это стихотворение Кольцова бытовало в качестве народной песни. Но в народном варианте конкретное место действия совершенно исчезает: «Возле дома сад цветет», «Против дома сад цветет». Это происходит потому, что, как отмечает А.М. Новикова, «работая над текстом кольцовской песни, народные авторы придерживались принципа подведения ее содержания под характер обобщенной "всенародности"» [4. С. 127]. [Шалина].

Таким образом, данные Национального корпуса русского языка подкрепляют или дополняют системно-языковой портрет Волги, выявленные по материалам словарей и экспериментов. С гидронимом Волга сочетаются прилагательные *нижняя/верхняя/средняя, большая, величественная, синяя, старая, великая, славная, широченная, полноводная, просторная, величавая, задумчивая, длинная, могучая, глубокая, разбойная, бескрайняя, царственная, вольная, пышная* и другие. Панорамный образ Волги формируется в совокупности с топонимами *Поволжье, Волгоград, Нижняя Волга*; с помощью эпитетов *широченная, большая, бескрайняя*, фразеологизмов *ни конца ни края, конца и края нет, Волга-матушка раздольная*, метафоры *очей краса* и другие.

Волга – важнейший культурообразующий символ российской ментальности. Она – выражение русской самобытности и мегаметафора русской национальной жизни, что подтверждается средствами репрезентации Волги в русской языковой картине мира.

Выводы по главе II

В рамках второй главы, посвящённой исследованию особенностей объективации гидронима «Волга» в русской языковой картине мира, было определено место гидронима «Волга» в русской топонимической картине мира; были выявлены и описаны средства объективации гидронима «Волга» по данным энциклопедических и лексикографических источников, текстов и экспериментов.

В рамках данной части работы мы пришли к следующим выводам:

1. Волга – образец национальной гендерно мотивированной метафоры: Волга – матушка, то есть прародительница. Синонимами к слову Волга являются лексемы матушка, мамуля, мамочка, мама.

2. Волга на протяжении всей долгой российской истории являлась многоплановым речным символом. С одной стороны, она отражала все архетипичные культурные парадигмы (рождение, смерть, слово, песня, любовь, свобода), но вместе с тем она была уникальным примером гидрополитического характера. Она воспринималась как важное явление, тесно переплетающееся с историей России. Россия и Волга в сознании многих россиян были явлениями взаимозаменяемыми или взаимодобавляемыми. Волга – это колыбель, Россия, Родина, царица, глава, королева.

3. В гнездо с вершинным словом Волга входят: нарицательные лексемы (например, волга – ручей, образующийся во время половодья; русло такого ручья); устойчивые сочетания и фразеологизмы, включающие сам гидроним (Волга-матушка; Волга ходит долго (об умном, опытном человеке, умеющем с выгодой для себя выполнить любое дело); как Волга (о веселом, бойком и быстром человеке)). Они образуют ядро языкового образа Волги.

4. Периферию составляют свободные текстовые сочетания, например, пословицы и поговорки (на словах Волгу переплывает, а на деле – ни через лужу (о хвастливом человеке), Волга всем рекам мать).

5. В лексикографических источниках зафиксировано немало пословиц и поговорок, в которых Волга ассоциируется с Родиной, Русью, рождением, земледелием, тяжёлым трудом и др. Семантика великой реки раскрывается в контексте в контексте оппозиций *«родина – чужбина»*, *«рождение – смерть»*, *«воля – неволя»*, *«горе – радость»* и др.

6. Данные Национального корпуса русского языка подкрепляют или дополняют системно-языковой портрет Волги, выявленные по материалам словарей и экспериментов. С гидронимом Волга сочетаются прилагательные *нижняя/верхняя/средняя, большая, величественная, синяя, старая, великая, славная, широченная, полноводная, просторная, величавая, задумчивая, длинная, могучая, глубокая, разбойная, бескрайняя, царственная, вольная, пышная* и другие. Панорамный образ Волги формируется в совокупности с топонимами *Поволжье, Волгоград, Нижняя Волга*; с помощью эпитетов *широченная, большая, бескрайняя, фразеологизмов ни конца ни края, конца и края нет, Волга-матушка раздольная, метафоры очей краса* и другие.

Таким образом, Волга – важнейший культурообразующий символ российской ментальности. Она – выражение русской самобытности и мегаметафора русской национальной жизни, что подтверждается средствами репрезентации Волги в русской языковой картине мира.

Заключение

Целью данной работы было выявление и описание национально-культурных особенностей гидронима «Волга» в русской языковой картине мира.

В первой главе, посвящённой рассмотрению лингвистических аспектов описания гидронимов, были рассмотрены понятие и классификация гидронимов, гидронимы были охарактеризованы относительно их места в составе топонимической лексики; был описан этнолингвистический характер гидронимов в русской топонимической картине мира; была проанализирована семантика гидронимов в точки зрения её национально-культурных особенностей в русской топонимической картине мира.

В рамках второй главы, посвящённой исследованию особенностей объективации гидронима «Волга» в русской языковой картине мира, было определено место гидронима «Волга» в русской топонимической картине мира; были выявлены и описаны средства объективации гидронима «Волга» по данным энциклопедических и лексикографических источников, текстов и экспериментов.

В результате исследования нами были сделаны следующие **выводы**:

1. Гидронимы – один из классов топонимов. Это географические названия, обозначающие водные пространства (реки, озёра, моря, заливы, проливы, каналы). Названия водных объектов сохраняются веками и тысячелетиями, поэтому гидронимы имеют очень высокую лингвоисторическую ценность.

2. Топонимическая картина мира является неотъемлемой частью языковой картины мира. Топонимы — это «национальный язык» страны. История топонимов – энциклопедия, отражающая историю и культуру страны и нации. Географические названия являются неотъемлемой частью

человеческой культуры, неизбежным результатом развития человеческой культуры, символом человеческой культуры и первых плодов. Поэтому географические названия – это не простые географические термины, они содержат богатую социальную историю и национально-культурное содержание, которое предпочитают мастера языка. Со временем они становятся фиксированными фразеологизмами, пословицами и поговорками. Гидронимы, как и другие топонимы, выступают в языке как имена-знаки. В географических наименованиях определённым образом кодируется лингвокультурная информация. Благодаря своей устойчивости, гидронимы приобретают способность сохранять и передавать её.

3. Для описания гидронимов в лингвистическом аспекте используются следующие методы:

1) Анализ топонимии производится лингвистическими средствами словообразовательного (структурно-грамматического) метода, который базируется на изучении массово повторяющихся элементов названий. В роли таких элементов, обычно называемых формантами (от латинского *formans* – «тот, кто образует»), чаще всего выступают конечные элементы названий, представляющие собой суффиксы или окончания. Остальные элементы названий (приставки, основы) также представляют интерес с точки зрения изучения топонимического словообразования. Однако, обладая меньшей массовостью, они представляют меньшую научную ценность. Примеры формантов – «-ичи» (Барановичи, Ивацевичи, Ляховичи), «-ово» (Соколово, Петрово, Вороново), «-ка» - Петровка, Ивановка, Каховка и т.д. Многие сторонники этого метода считают его очень надежным, так как массово повторяющиеся элементы в названиях дают серьезную базу для суждения об их типологии и о миграциях населения, переносящих топонимы на новые места.

2) Определенное место при обработке полученной информации принадлежит статистическому методу. С его помощью устанавливаются

количественное соотношение топонимов с иными категориями названий, выявляются количественные показатели и соотношения различных категорий топонимов. Во многом данные статистики опираются на картографические материалы исследования.

3) Географические и исторические причины нередко требуют уточнения непосредственно на местности. Иногда решение поставленного вопроса не является простым и помимо историко-географической и лингвистической информации требует привлечения дополнительных местных фактов.

4. Примеры из литературы, фольклора и изобразительного искусства подтверждают историко-культурную и эстетическую природу ментально-географического знака отечественной действительности – реки Волги. В произведениях художественной литературы и изобразительного искусства явление топонимики превращается в многосмысловой знак — емкий образ. Волга, образ которой анализируется во второй главе исследования, символизирует мощь и красоту самой России.

5. Гидронимы относятся к единицам, функционирование которых обусловлено национально-культурными представлениями. И это отражается в том числе в семантике гидронимов. Ввиду этого топонимы нередко носят концептуализированный характер.

Материалы исследования (словари, энциклопедии, Национальный корпус русского языка) позволили выделить языковые средства, которые формируют национально-культурный образ Волги в русской языковой картине мира:

1. Река занимает особое место в ментальном мире русского народа. При этом Волга для жителей России становится архетипом реки вообще: этот гидроним употребляется для обозначения любой большой реки.

2. Волга – образец национальной гендерно мотивированной метафоры: Волга – *матушка*, то есть прародительница. Синонимами к слову Волга являются лексемы *матушка, мамуля, мамочка, мама*.
3. Волга на протяжении всей долгой российской истории являлась многоплановым речным символом. С одной стороны, она отражала все архетипичные культурные парадигмы (*рождение, смерть, слово, песня, любовь, свобода*), но вместе с тем она была уникальным примером гидрополитического характера. Она воспринималась как важное явление, тесно переплетающееся с историей России. Россия и Волга в сознании многих россиян были явлениями взаимозаменяемыми или взаимодобавляемыми. Волга – это *колыбель, Россия, Родина, царица, глава, королева*.
4. В гнездо с вершинным словом Волга входят: нарицательные лексемы (например, волга – ручей, образующийся во время половодья; русло такого ручья); устойчивые сочетания и фразеологизмы, включающие сам гидроним (Волга-матушка; Волга ходит долго (об умном, опытном человеке, умеющем с выгодой для себя выполнить любое дело); как Волга (о веселом, бойком и быстром человеке). Они образуют ядро языкового образа Волги.
5. Периферию составляют свободные текстовые сочетания, например, пословицы и поговорки (на словах Волгу переплывает, а на деле – ни через лужу (о хвастливом человеке), Волга всем рекам мать).
6. В лексикографических источниках зафиксировано немало пословиц и поговорок, в которых Волга ассоциируется с Родиной, Русью, рождением, земледелием, тяжёлым трудом и др. Семантика великой реки раскрывается в контексте в

контексте оппозиций «родина – чужбина», «рождение – смерть», «воля – неволя», «горе – радость» и др.

7. Данные Национального корпуса русского языка подкрепляют или дополняют системно-языковой портрет Волги. Например, с гидронимом Волга сочетаются прилагательные *нижняя/верхняя/средняя, большая, величественная, синяя, старая, великая, славная, широченная, полноводная, просторная, величавая, задумчивая, длинная, могучая, глубокая, разбойная, бескрайняя, царственная, вольная, пышная* и другие. Панорамный образ Волги формируется в совокупности с топонимами *Поволжье, Волгоград, Нижняя Волга*; с помощью эпитетов *широченная, большая, бескрайняя*, фразеологизмов *ни конца ни края, конца и края нет, Волга-матушка раздольная*, метафоры *очей краса* и другие.

Таким образом, Волга – важнейший культурообразующий символ российской ментальности. Она – выражение русской самобытности и мегаметафора русской национальной жизни, что подтверждается средствами репрезентации Волги в русской языковой картине мира.

Список литературы

1. Алпатов В. В. Комплексная модель мотивации топонимов // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: материалы II Международной научной конференции. Екатеринбург, 8–10 сентября 2012 г.: В 2 ч. – Ч. 1 / ред. кол.: Е. Л. Березович (отв. ред.) и др. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2012. – С. 63–64.
2. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. Т. 1-15. 896 с.
3. Беленов Н. В. Индоевропейские гидронимические форманты и изоглоссы Самарского Поволжья в этноисторическом контексте // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2019. № 5 (1). С. 16–34. https://lingua.amursu.ru/upload/lingua/2019/1/thal_2019_1_02_016_034.pdf (дата обращения: 09.07.2021).
4. Беляев А. Н. О древнеевропейской гидронимии // 2009. С. 31-32. https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/47638/1/eoe_2009_014.pdf (дата обращения: 09.07.2021).
5. Бессмертный И.В., Меринова Ю.Ю., Петров В.В. К вопросу о классификации гидронимов Ростовской области // Успехи современного естествознания. – 2021. – № 2. – С. 82-87.
6. Васильева С.П. Топоним как этнокультурная единица // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. 2010. <https://cyberleninka.ru/article/n/toponim-kak-etnokulturnaya-edinitsa> (дата обращения: 12.05.2021).
7. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков: монография. М.: Языки русской культуры, 1999. 777 с.
8. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Лингвострановедческая теория слова [М].М.: Русский Язык, 1980. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура [М].М.: Русский язык, 1990.

9. Гальцова А. С. Лингвокультурологический потенциал топонимической лексики // Записки Горного института. 2008. Т. 175. С. 208-209. <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokulturologicheskiy-potentsial-toponimicheskoy-leksiki> (дата обращения: 09.07.2021).
10. Гидронимы как национально-культурные знаки // <https://ru.wikipedia.org/wiki/Гидроним> (дата обращения: 12.05.2021).
11. Гидронимы как особый тип топонимов // <https://rus-lingvistic-term.slovaronline.com/253-гидроним> (дата обращения: 12.05.2021).
12. Гидронимы // <https://dic.academic.ru/dic.nsf/lingvistic/253/гидроним> (дата обращения: 12.05.2021).
13. Давлеткулова Л. Н. Топонимы в лингвокультурологическом аспекте: на примере географических названий графства Оксфордшир и Челябинской области: Автореферат дис... канд. филол. н. Челябинск, 2014. – 22 с.
14. Жиленкова И. И. Культурно-языковая специфика гидронимов Белгородской области // С. 114-117. http://dspace.bsu.edu.ru/bitstream/123456789/19998/1/Zhilenkova_Kulturno-yazykovaya.pdf (дата обращения: 09.07.2021).
15. Жукова Т. Е. Этнолингвистические факторы в названиях топонимов и гидронимов в архангельских говорах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 8 (50): в 3-х ч. Ч. III. С. 88-92. https://www.gramota.net/articles/issn_1997-2911_2015_8-3_24.pdf (дата обращения: 09.07.2021).
16. Ильин Д.Ю. Полевая организация топонимической лексики в языке региона // Вестн. Рос. гос. ун-та им. Иммануила Канта. Вып.8. Сер.: Филологические науки. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2009. С. 19-24.
17. Ильин Д. Ю. Функционально-семантическое своеобразие гидронимов в разновременных печатных изданиях региона // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2010.

- № 2. С. 102-106.
<https://cyberleninka.ru/article/n/funktsionalnosemanticheskoe-svoeobrazie-gidronimov-v-raznovremennyh-pechatnyh-izdaniyah-regiona> (дата обращения: 09.07.2021).
18. Каксин А. Д. Гидронимы Хакасии в свете данных о языковых семьях (енисейской, уральской, алтайской) // Томский журнал ЛИНГ и АНТР. 2018. № 1 (19). С. 41-48.
https://ling.tspu.edu.ru/files/ling/PDF/articles/kaksin_a_d_41_48_1_19_2018.pdf (дата обращения: 09.07.2021).
19. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты. Дискурс. М.: Гнозис, 2004.
20. Карасик В. И. О категориях лингвокультурологии // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности. Волгоград, 2001. С. 3–16.
21. Карасик, В. И. Культурные доминанты в языке [Текст] / В. И. Карасик // Языковая личность; культурные концепты. – Волгоград ; Архангельск : Перемена, 1996. – С. 3–16.
22. Кичикова Н.А. Языковая отнесенность топонимов республики Калмыкия // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2015.
<https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-otnesennost-toponimov-respubliki-kalmykiya> (дата обращения: 14.07.2021).
23. Комиссарова О.В. Тендерная оппозиция в отражении русской зооморфной метафоры // Язык и культура. 2009.
<https://cyberleninka.ru/article/n/tendernaya-oppozitsiya-v-otrazhenii-russkoj-zoomorfnoy-metafory>
24. Лекомцева Н.В., Кожина Г.Н. «Рек, озер краса, глава, царица...»: Волга как прецедентный знак русской культуры // Рус. яз. за рубежом. 2002. № 3. С. 32-40.

25. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: антология / под ред. В. П. Нерознака. М., 1997.
26. Лиштованная Т. В. Гидронимы бассейнов озер Байкала и Лемана: опыт комплексного сопоставительного анализа: Дис... канд. филол. н. Москва, 2002. – 235 с.
27. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.
28. Ма Цзин. Национально-культурные коннотации русских топонимов / Цзин Ма. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2020. — № 39 (329). — С. 187-193. — URL: <https://moluch.ru/archive/329/73742/> (дата обращения: 28.10.2021).
29. Манджиева Э.Б., Кичикова Н.А. Гидронимы калмыцкого происхождения на территории Юга России // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2017. <https://cyberleninka.ru/article/n/gidronimy-kalmytskogo-proishozhdeniya-na-territorii-yuga-rossii> (дата обращения: 21.08.2021).
30. Маслова, В. А. Когнитивная лингвистика [Текст] / В. А. Маслова. – Минск: ТетраСистемс, 2004. – 255 с.
31. Мороз Е. В. Гидронимы как источник культурно-исторической информации и лингвистическое явление // https://wdesk.ru/blog/gidronimy_kak_istochnik_kulturno_istoricheskoy_informacii_i_lingvisticheskoe_javlenie/2018-12-16-1538 (дата обращения: 09.07.2021).
32. Мурзаев Э. М. Слово на карте: Топонимика и география. — М.: Армада-пресс, 2001.
33. Национальный корпус русского языка. - URL: <http://www.ruscorpora.ru/> свободный.
34. Новиков Л. А. Семантика русского языка [М], М.: Высшая школа, 1982.

35. Основные понятия гидронимики. Способы образования гидронимов // https://studopedia.ru/11_132400_osnovnie-ponyatiya-gidronimiki-sposobi-obrazovaniya-gidronimov.html (дата обращения: 09.07.2021).
36. Полякова Н. В. Объективация реки в языковой картине мира селькупского этноса // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – 2014. – № 2(4). – С. 29–33.
37. Попова З. Д. Лексическая система языка [Текст] / З. Д. Попова, Н. А. Стернин. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1984. – 145 с.
38. Попова З. Д. Семантико-когнитивный анализ языка: Научное издание [Текст] / З. Д. Попова, К. А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2006. – 226 с
39. Рудных А. И. Семантические модели в гидронимике // С. 35-74. https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/27828/1/vtop_1972_04.pdf (дата обращения: 09.07.2021).
40. Сорокина С. М. Угорские гидронимы Среднего Приобья (Семантика и структура): Монография. — Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гуманит. ун-та, 2009. — 175 с.
41. Стростина О. В. Гидронимы как объект изучения в современной лингвистике // Международная конференция «V Бодуэновские чтения»: труды и материалы / Под общей редакцией К.Р. Галиуллина, Е.А. Горобец, Г.А. Николаева. Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2015. С. 269-271. <https://elibrary.ru/item.asp?id=24406413> (дата обращения: 09.07.2021).
42. Степанов Ю. С. Методы и принципы современной лингвистики [Текст] / Ю. С. Степанов. – М.: Едиториал УРСС, 2005. – 312 с.
43. Супрун В. И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал: монография. Волгоград: Перемена, 2000.
44. Тендерная метафора // <http://dissers.ru/avtoreferati-kandidatskih-dissertatsii/a1089.php> (дата обращения: 14.07.2021).

45. Толстой Н. И. Славянская географическая терминология. Семасиологические этюды [Текст] / Н. И. Толстой. – М.: Наука, 1969. – 262 с.
46. Топоркова И. В. Гидронимы с компонентами перцептивного восприятия // Вестник Тамбовского университета. 2006. № 2 (42). С. 270-272. <https://cyberleninka.ru/article/n/gidronimy-s-komponentami-perseptivnogo-voospriyatiya> (дата обращения: 09.07.2021).
47. Топоров В. Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья [Текст] / В. Н. Топоров, О. Н. Трубачёв. – М. : АН СССР, 1962. – 271 с.
48. Трубачев О. Н. Труды по этимологии: Слово. История. Культура. Т. 4. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. – 696 с.
49. Федченко О. Д. Новый подход к лингвистическому анализу гидронимов Центральной России / О. Д. Федченко. — Текст : непосредственный // Филология и лингвистика. — 2017. — № 2 (6). — С. 62-64. — URL: <https://moluch.ru/th/6/archive/59/2490/> (дата обращения: 09.07.2021).
50. Членова Н. Л. Волга и Южный Урал в представлениях древних иранцев и финно-угров во II – начале I тыс. до н. э. [Текст] / Н. Л. Членова // Советская археология. – 1989. – № 2. – С. 225–240.
51. Шалина И.П. «Есть за Волгой село...» Топонимы в поэзии А.В. Кольцова // <https://naukarus.com/est-za-volgoy-selo-toponimy-v-poezii-a-v-koltsova> (дата обращения: 21.08.2021).

Словари

52. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.Л. Кузнецов. - СПб.: «Норинт», 2000.
53. Большой толковый словарь синонимов русской речи. Идеографическое описание. 2000 синонимических рядов. 10 500 синонимов/Под ред. Л.Г. Бабенко. - М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА. - 784 с.

54. Большой психологический словарь. — М.: Прайм-ЕВРОЗНАК. Под ред. Б.Г. Мещерякова, акад. В.П. Зинченко. 2003.
55. Большой энциклопедический словарь: философия, социология, религия, эзотеризм, политэкономия / гл. науч. ред. и сост. С. Ю. Солодовников. — Мн.: МФЦП, 2002 — 1008 с.
56. Горбачевич К. С. Русский синонимический словарь. - СПб.: ИЛИ РАН. 1996.-512 с.
57. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. - 2-е изд., стереотип. - М.: Рус. яз., 2001 - Т. 1: А - О. - 1232 с. - (Б-ка словарей рус. яз.).
58. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. - 2-е изд., стереотип. - М.: Рус. яз., 2001 - Т. 2: П - Я. - 1088 с. - (Б-ка словарей рус. яз.).
59. Крюкова И. В., Супрун В. И. Реки и водоемы Волгоградской области: Гидронимический словарь. Волгоград, 2002.
60. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Второе издание, исправленное и дополненное / Авторы словарных статей: В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян, Е. Э. Бабаева, О. Ю. Богуславская, И. В. Галактионова, М. Я. Гловинская, С. А. Григорьева, Б. Л. Иомдин, Т. В. Крылова, И. Б. Левонтина, А. В. Птенцова, А. В. Санников, Е. В. Урысон. Под общим руководством акад. Ю. Д. Апресяна. — Москва; Вена: Языки славянской культуры: Венский славистический альманах, 2004 г. — 1488 с.
61. Ожегов С. И. Словарь русского языка: 70 000 слов / Под ред. Н.Ю. Шведовой. -М.: Рус. яз., 1991.
62. Отин Е. С. Словарь коннотативных собственных имен. М. — Донецк, 2006.
63. Поспелов Е.М. Географические названия мира: Топонимический словарь: Ок. 5000 единиц. 2-е изд., стер. М., 2002.

64. Русский ассоциативный словарь. В 2 т. Т. I. От стимула к реакции: Ок. 7000 стимулов / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. — М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2002. - 784 с.
65. Русский ассоциативный словарь. В 2 т. Т. II. От реакции к стимулу: Более 100 000 реакций/Ю.Н.Караулов, Г.А.Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. - М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2002. - 992 с.
66. Русский идеографический словарь // <http://www.slovari.ru/default.aspx?s=0&p=5485> (дата обращения: 28.01.2021).
67. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений/РАН. Ин-т рус. яз.; Под общей ред. Н.Ю. Шведовой. - М.: Азбуковник, 2003.
68. Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А.П. Евгеньевой. — 2-е изд., испр. и доп. - М.: Русский язык, 1981 — 1984.
69. Словарь синонимов русского языка. В 2-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А.П. Евгеньевой. - Ленинград: Издательство «Наука», 1970.
70. Социологический словарь. — М.: Экономика. Н. Аберкромби, С. Хилл, Б.С. Тернер. 2004.
71. Толковый словарь русского языка: В 3 т. / Под ред. Проф. Д.Н. Ушакова. — М.: Вече, Мир книги.

Приложение

Волга в поэзии

Валерий Григорьев

Любовь России к ней нетленна.

К ней тянутся душою всей

Кубань и Днепр, Нева и Лена,

и Ангара, и Енисей.

Люблю ее всю в пятнах света,

всю в окаймленьи ивняка...

Но Волга для России — это

гораздо больше, чем река....

Е.Евтушенко, Волга, 1958

"Каждая страна имеет свою национальную реку.

Россия имеет Волгу - самую большую реку в Европе,

царицу наших рек, - и я поспешил поклониться

её величеству Волге."

А. Дюма, 1858

Волга - символ России и народа душа.

Стержень Русской великой равнины -

где раскинулись реки, горы, леса и долины.

Она сплотила народности, их семья хороша.

Жигули - жемчужина Волги

вдохновляет своей красотой.

Течь до Каспия ей ещё долго

по просторам степным,

окруженной природою той.

Волга в песнях прекрасных воспета
и в картине известной её бурлаков.
В стихах многих русских поэтов...
Как ныне, так и прошедших веков...

Ломоносов М. В. (1711 - 1765)

...

Сия тебе единой слава,
Монархиня, принадлежит,
Пространная твоя держава
О как тебе благодарит!
Воззри на горы превысоки,
Воззри в поля свои широки,
Где Волга, Днепр, где Обь течет;
Богатство, в оных потаенно,
Наукой будет откровенно,
Что щедростью твоей цветет.

...

"ОДА НА ДЕНЬ ВОСШЕСТВИЯ НА
Всероссийский престол её величества
государыни императрицы
Елисаветы Петровны 1747 года"

Дмитриев И.И. (1760 - 1837)

Конец благополучну бегу!

Спускайте, други, паруса!
А ты, принесшая ко берегу,
О Волга! рек, озер краса.
Глава, царица, честь и слава,
О Волга пышна, величава!
Прости!.. Но прежде удостой
Склонить свое вниманье к лире
Певца, незнаемого в мире,
Но воспоенного тобой!
...

Прорек, и хлынули реками
У бога воды из очес;
Вдруг море вздулося буграми,
И влажный Каспий в них исчез.
О, как ты, Волга, ликовала!
С каким восторгом поднимала
Победоносного царя!
В сию минуту пред тобою
Казались малою рекою
И Бельт и Каспий, все моря!
...

"К Волге", 1794

Языков Н.М. (1803 - 1846)
Краса полуночной природы,
Любовь очей, моя страна!
Твоя живая тишина,
Твои лихие непогоды,
Твои леса, твои луга,

И Волги пышные брега,
И Волги радостные воды -
Всё мило мне, как жар стихов,
Как жажда пламенная славы,
Как шум прибрежной дубравы
И разыгравшихся валов.

...

"Родина", 1825

Синее влажного ветрила
Над Волгой туча проходила;
Ревела буря; ночь была
В пучине зыбкого стекла;
Порой огонь воспламенялся
Во тьме потопленных небес;
Шумел, трещал прибрежный лес
И, словно Волга, волновался.

...

"Разбойники"

Из страны, страны далекой,
С Волги-матушки широкой,
Ради сладкого труда,
Ради вольности высокой
Собралися мы сюда.
Помним холмы, помним доли,
Наши храмы, наши села,
И в краю, краю чужом
Мы пируем пир веселый

И за родину мы пьем.

...

"Песня"

Кольцов А.В. (1809 - 1842)

Не страшна мне добру-молодцу,

Волга-матушка широкая,

Леса тёмные, дремучие,

Вьюги зимние - крещенские...

...

А по Волге, моей матушке,

По родимой, по кормилице,

Вместе с братьями за добычью

На край света летал соколом.

Но не Волга, леса тёмные,

Вьюгт зимние-крещенские

Погубили мою голову,

Сокрушили мочь железную...

...

Забушу же непогодушка,

Разгуляйся Волга-матушка!

Ты возьми мою кручинушку,

Размечи волной по бережку...

"Стенька Разин", 15 октября 1838 г.

Огарёв Н.П. (1813 - 1877)

Сторона моя родимая,
Велики твои страданья,
Но есть мощь неодолимая,
И мы полны упования:

Не сгубят указы царские
Руси силы молодецкие,-
Ни помещики татарские,
Ни чиновники немецкие!

Не пойдет волной обратною
Волга-матушка раздольная,
И стезею благодатною
Русь вперед помчится вольная!

1858

Н.А. Некрасов (1821 - 1877/1878)

О Волга!.. колыбель моя!
Любил ли кто тебя, как я?
Один, но утренним зарям,
Когда еще все в мире спит
И алый блеск едва скользит
По темно-голубым волнам,
Я убежал к родной реке.
Иду на помощь к рыбакам,
Катаюсь с ними в челноке,
Брожу с ружьем по островам...

...

О Волга! после многих лет
Я вновь принес тебе привет.
Уж я не тот, но ты светла
И величава, как была.
Кругом всё та же даль и ширь,
Всё тот же виден монастырь
На острове, среди песков,
И даже трепет прежних дней
Я ощутил в душе моей,
Заслыша звон колоколов.
Всё то же, то же... только нет
Убитых сил, прожитых лет...
"На Волге", 1861

Дрожжин Спиридон (1848 - 1930):

Я для песни задушевной
Взял лесов зелёных шёпот,
А у Волги в жар полдневный
Тёмных струй подслушал ропот,
Взял у осени ненастье,
У весны благоуханье;
У народа взял я счастье
И безмерное страданье.
1891

Как не гордиться мне тобой,

О родина моя!

Когда над Волгою родной

Стою недвижим я,

...

"Родине", 1904

...

Да будет ваша жизнь свободна,

Как Волга-матушка река,

Как в поле нива небесплодна,

Чиста, как воздух, и легка.

...

"Завет крестьянского поэта", 1910

Клюев Н. А (1887 - 1937):

Собирались в ночнину,

Становились в тесный круг.

"Кто старшой, кому по чину

Повести за стругом струг?

Есть Иванко Шестипалый,

Васька Красный, Кудеяр,

Заугольш, Рямза, Чалый

И Размыкушка-гусяр.

Стать негоже Кудеяру,

Рямзе с Васькой-яруном!"

Порешили: быть гусяру

Струговодом-большаком!

Он доселе тешил братьев,
Не застаивал ветрил,
Сызрань, Астрахань, Саратов
В небо полымем пустил.

В епанчу, поверх кольчуги,
Оболок Размыка стан
И повел лихие струги
На слободку - Еруслан.

Плыли долго аль коротко,
Обогнули Жигули,
Еруслановой слободки
Не видали - не нашли.

Закручинились орлята:
Наважденье чем избыть?
Отступною данью-платой
Волге гусли подарить.

...

"Поволжский сказ", 1913

Орешин П. В. (1887 - 1938):

Тяжко вздыхает туман.
Волга качает ладью.
В степь воевода-Степан
Гонит добычу свою.

С полудня ветер-ведун
Гонит душистую марь,
- Ну-ка, по золоту струн,
Ветер-волжанин, ударь!

...

Ржёт лошадиный табун.
Люди Степана пьяны.
Рокотом шёлковых струн
Тешатся Волги сыны.

Ветер суров и шумлив:
- Слава тебе, атаман!
Медленно входит в залив
С Волги широкий туман.

Жарко целует в уста
Разин красотку-княжну.
Совесь Степана чиста:
Любит, так любит - одну.
"Степан", 1916

Ширяевец А. В. (1887 - 1924):

На чужбине невеселой
Эти песни я пою.
Через горы, через доли
Вижу родину свою:

Жигули в обновах вешних,

Волга... Улица села...
В церковь, солнышка утешней,
Ты лебедкою плыла...

Не найти нигде чудесней
Русых кос и синих глаз!
Из-за них кольцовской песней
Заливался я не раз...

Я ушел... я ждал иного,
Не к сохе влеклась рука...
И уплыл... А ты с крутого
Мне махала бережка...

На сторонке чужедальной
Позабыть тебя не мог...
Снится грустный взгляд прощальный,
Вижу беленький платок...

Что сулит мне воля божья?
Ворочусь ли я назад?
Пусть к родимому Поволжью
Песни звонкие летят!

Ты с Дона, с Волги я. Наш жребий одинаков
В передней жались у надменных бар...
Нам не плела судьбы венков из маков.
Ты у степей, у Волги взял я дар...

Василичи мы...То судьбы не перст ли?

-Всё ж баба любопытная она...

Хмелела Русь с кольцовской алой песни

С ширяевской же станет Русь пьяна!...

"Алексею Кольцову", 19..

В междуречье залегло

В жигулях моё село

Рядом Волга...плещет, льнёт,

Про бывалое поёт...

Супротив Царёв курган -

Память сделал царь Иван...*

А кругом простор такой,

Глянешь - станешь сам не свой.

Всё б на тот простор глядел,

Вместе с Волгой песни пел!

"Ширяево", 1924

Есенин С. А. (1895 - 1925)

"С красным звоном, дорогой баюн Жигулей

и Волги. Цвети крепче."

Из письма С.А. Есенина А. Ширяевцу,

после февральской революции, 1917

Деве твоей Руси

Новое возвестил я

Рождение.

Сына тебе

Родит она...

Имя ему -

Израмистил.

Пой и шуми Волга!

В синие ясли твои опрокинет она

Младенца....

"Сельский часослов", 1918

Снова пьют здесь, дерутся и плачут

Под гармоники жёлтую грусть.

Проклинают свои неудачи,

Вспоминают московскую Русь.

...

Ах, сегодня так весело россам,

самогонного спирта - река.

Гармонист с провалившимся носом

Им про Волгу поёт и про Чека.

...

"Снова пьют здесь, дерутся и плачут...", 1922

Мы теперь уходим понемногу

В ту страну, где тишь и благодать.

Может быть и скоро мне в дорогу

Бренные пожитки собирать....

"Мы теперь уходим понемногу...", 1924

Стихотворение было впервые опубликовано

в журнале "Красная новь" , №4 за 1924г под названием
"Памяти Ширяевца" (умер 15 мая 1924)

Велимир Хлебников (1885 - 1922):

...

Вы думаете, что голод - докучливая муха
И её можно легко отогнать,
Но знайте - на Волге засуха:
Единственный повод, чтобы не взять, а - дать!
Несите большие караван
На сборы "Голодной недели",
Ломоть еды отдавая,
Спасайте тех, кто поседали!
Волга всегда была вашей кормилицей,
Теперь она в полугробу.
Что бедствие грозно и может усилиться -
Кричите, кричите, к устам взяв трубу!
"Трубите, кричите, несите!", 1921

...

Не зубами скрипеть
Ночью долгою,
Буду плыть - буду петь
Доном - Волгою!
Я пощлю вперёд
Вечеровые устриги.
Кто со мною - в полёт?
А со мной - мои други!
"Не шалить!", февраль 1922

Багров В. А. (1912 - 1937);

...

По лесам, по луговым угодьям,
Молодая, светлая до дна,
Мчит она весенним половодьем,
Вся в заре, до зорюшки пьяна.

Только паводок стоит недолго,
Зазвенит пырей на берегу.
Синим летом приласкает Волга
Луговую малую реку.

Приласкает, понесёт с собою
В медном звоне зорь и якорей.
Мы ещё докатимся с тобою
До солёных ветровых морей!
"Если я задумал о высоком...", 193. ?

...

Мы ведь тоже любили,
да так, что, рыдая,
Запевали, заплывали под те облака:
Волга, Волга, мать родная,
Волга русская река!

...

Волга, вот такую - в прохладе,
в сверкающем свежем лазоре

расплескать на пятьсот километров -
чтобы пенилась ты на полях,
Чтоб иные потухали
сухие, пожарные зори...
Но в Каспийское море
Ты впадаешь, как прежде
И тебя воспевают Пильняк...

...

Я в поэме своей
Волгострой преждевременно выстрою,
Чтобы звал он вперёд,
Чтоб мечтали о нём,
Чтоб он к нам приближался
Стремительней выстрела
И мерцал нам сквозь годы
Электрическим светлым огнём!

...

Отгулявшая Волга!
Сквозь метель,
Сквозь полночную темень,
Разорвав и взорвав
Твой русалочный синий настой,
Из второй пятилетки
встаёт моя тема
И плывёт на меня
Волгострой.

Поэма "Волгострой", 193.?

....

Мне мать уж давно
рассказала о том, как
мечтал завещать
ты мне свой Волгострой,
Но знаешь
я жить не хочу для потомков.
Великий проект! А на кой он мне чёрт?
Могу ж выбирать я,
на самом-то деле!
Течёт же ведь Волга и славно течёт...
Я знаешь люблю её косы да мели...
Поэма "Профессор Волков". 193.?

Сурков А. А. (1899 - 1983)^

Знойная ночь перепутала все
Стежки-дорожки.
Задорно звенят
На зеленом овсе
Серебряные сережки.

Синие сосны, синяя сонь -
Час расставанья.
Над Волгой-рекой
Расплескала гармонь
Саратовское «страданье».

Над тихой гречихой,
Над гривой овса

Девичью разлуку

Поют голоса.

...

"Поволжанка", 1935

Мандельштам О. Э. (1891 - 1938)

На откосы, Волга, хлынь, Волга, хлынь,

Гром, ударь в тесины новые,

Крупный град, по стеклам двинь, - грянь и двинь,

А в Москве ты, чернобровая,

Выше голову закинь.

...

Как досталась - развяжи, развяжи -

Красота такая галочья

От индейского раджи, от раджи

Алексею, что ль, Михалычу, -

Волга, вызнай и скажи.

...

"На откосы, Волга, хлынь, ...", 4 июля 1937

Евтушенко Е.А. (1932 - 2017)

СМЕРТЬ СТАРОГО БАКЕНЩИКА

Спокойно умереть не каждому дано.
Лишь тот спокоен душою перед смертью,
кто зла не делал никому на свете,
а делал тихое и чистое добро.
И пусть оно, добро, невелико,
но если сделал, всё, что мог посильно,
в последний раз вздохнувши глубоко,
уйти из этой жизни не постыдно...

Когда пришла ему пора,
он это сам спокойно понял,
но, как всегда, себя он поднял
и, как всегда, сказал: "Пока..."

Он вышел. Солнце било в окна.
Стада мычали. Под горой
дымилась утренняя Волга,
и пахло рыбой и корой.
Скворец осваил жильё,
а вся река - в деревьях тонущих.
То ль забрела она в черёмушник
то ли черёмушник в неё!
И полосой прозрачно-белою,
неуловимы и легки,
по Волге бегали вдоль берега
черёмуховые лепестки...

Он в лодку сел. Поплыл. Вдали
летели к пойме журавли.
Осклизло клацали уключины,

и руки ладные, уклюжие
гребками волжскими гребли.
Он с малолетства здесь волгарил
и в котелке с дымком варганил
свою рыбацкую уху.
Он с Волгой просто жил, сурово.
Он ей, не говоря ни слова,
всё говорил, как на духу!
Не знаменитый по фамилии,
он не водил в морях флотилии,
не совершал ни разу подвига,
а просто он не делал подлого,
и было помирать не страшно,
вот, правда, только странно-странно...

Поплыл гасить он свои бакены.
Следил задумчиво за барками.
Глядел на пашни и на мельницы,
и слушал песни под гармонь,
и, наклонившись, выпил медленно
он Волги полную ладонь.
И, больше ничего не делая,
прилёт он в лодке, не гребя,
и распахнул рубаху белую,
как будто отворил себя
деревьям, облакам и бабочкам,
дыханьям птичьим и людским,
покачивающимся бакенам
и дальним трубам заводским.
Он так и умер, отворённый,

спокойный, умиротворённый.

Вокруг натруженно дышала,
работой занята большой,
его родимая держава
с такой же русскою душой.
Его легко несла вода,
и на груди широкой вольно
текла раздольная, как Волга,
светящаяся борода...

Как счастлив и возвышен тот,
кто верный сын родного края,
что добро и светло живёт,
светло и добро умирая!..

1955

ВОЛГА

Мы русские. Мы дети Волги.
Для нас значения полны
ее медлительные волны,
тяжелые, как валуны.

Любовь России к ней нетленна.
К ней тянутся душою всей
Кубань и Днепр, Нева и Лена,
и Ангара, и Енисей.

Люблю ее всю в пятнах света,
всю в окаймленьях ивняка...
Но Волга Для России — это
гораздо больше, чем река.

...

Я верен Волге и России —
надежде страждущей земли.
Меня в большой семье растили,
меня кормили, как могли.

В час невеселый и веселый
пусть так живу я и пою,
как будто на горе высокой
я перед Волгою стою.

...

И жить мне молодо и звонко,
и вечно мне шуметь и цвести,
покуда есть на свете Волга,
покуда ты, Россия, есть.

"Мы русские. Мы дети Волги....., 1958

Ошанин Л. С. (1912 - 1996)

Издалеку долго
Течёт река Волга,
Течёт река Волга -
Конца и края нет...

Среди хлебов спелых,
Среди снегов белых
Течёт моя Волга,
А мне семнадцать лет.

Сказала мать: "Бывает всё, сынок,
Быть может, ты устанешь от дорог,-
Когда придёшь домой в конце пути,
Свои ладони в Волгу опусти".

...

Тот первый взгляд и первый плеск весла...
Всё было, только речка унесла...
Я не грущу о той весне былой,
Взамен её твоя любовь со мной.

...

"Течёт Волга", песня, муз М. Фрадкина, 1962
Исп. Людмила Зыкина

Дементьев А. С. (р. 1928)

А я без Волги просто не могу.
Как хорошо малиновою ранью
Прийти и посидеть на берегу,
И помолчать вблизи её молчанья.

Она меня радушно принимает.

С чем ни приду - с обидой иль бедой.
И всё она наверно понимает,
Коль грусть моя уносится с водой.

...

Мне по душе и тишь её, и гам
Куда б меня судьба не заносила,
Я возвращаюсь к волжским берегам,
Откуда начинается Россия.
"Волга", 1966,
Песня с музыкой Евгения Мартынова

Не говорю тебе "Прощай!",
Земля Христа, страна Давида,
Но есть во мне одна обида,
Одна безмерная печаль -
Что поздно я пришел сюда,
Взошла во мне твоя Звезда,
Соединясь с зарёй над Волгой.

"Строфы", 19..?

Я вспомнил Волгу возле Иордана,
И это было радостно и странно.
И музыка воды во мне звучала,
Как будто нас одна волна качала.

"Строфы", 19..?

Горбовский Г. Я. (р. 1931)

Мужик в разорванной рубахе,
Без Бога, в бражной маете, -
Ни о марксизме, ни о Бахе,
Ни о девичьей красоте
Не знал, не знает и не хочет!
Он просто вышел на бугор,
Он просто вынес злые очи
На расхлестнувшийся простор.
И вот стоит... А Волга тонет
В зеленогривых берегах.
...А, может знал бы о Ньютоне,
Ходил бы в модных башмаках.
Два кулака, как два кресала,
И, словно факел, голова...
Ещё Россия не сказала
Свои последние слова!
"Мужик над Волгой", 196.?

Агашина Маргарита (1924 - 1999)

Вот и август уже за плечами.
Стынет Волга. Свежеют ветра.
Это тихой и светлой печали,
это наших раздумий пора.
...
"Вот и август уже за плечами", 1971

...

Тихое время заката

в Волгу спустило крыло...

Ах вы, ребята, ребята!

Сколько вас здесь полегло!

...

"Ах вы, ребята, ребята!", 1972

Высоцкий В. С. (1938 - 1980)

Как по Волге-Матушке, по реке-кормилице,

Все суда с товарами, струги да ладьи.

И не надорвалась, и не притомилася -

Ноша не тяжелая, корабли свои.

Вниз по Волге плавая, прохожу пороги я

И гляжу на правые берега пологие.

Там камыш шевелится, поперёк ломается,

Справа берег стелется, слева - поднимается.

...

Волга песни слышала хлеще, чем "Дубинушка",

В ней вода исхлестана пулями врагов.

И плыла по матушке наша кровь-кровинушка,

Стыла бурой пеною возле берегов.

...

"Как по Волге-Матушке, по реке-кормилице...", 1978

Кублановский Ю. М. (р. 1947)

Белогривый июль над взволнованной Волгой,
Колокольня с трёхгранной позлащенной иголкой,
Светловерхая пристань с торговым флажком,
где медвежий загривок со щучьим душком.

...

Из книги "Число", 1978

Прибрежные доли в сангине заката
и в звёздчатой зыби река...

...

О Волга, всегда твоему благолепию
сродни атаманская статья.

Убей меня, Волга, мазутною цепью
и выброси на берег спать.

"Посвящается Волге", 1978

Анищенко-Шелехметский М. В. (1950 - 2012)

Горит свечи огарок. Я болен, близорук.

Но Волга под Самарой натягивает лук.

Болит сквозная рана, дрожит ночная нить.

Мне рано, рано, рано из жизни уходить.

...

В лесу и на опушке увижу ясный свет,

И всё, что видел Пушкин, сжимая пистолет.

"Стрела летящая"

Из книги "Поющая половица", Самара, 2008

За тем мостом, за речкой медной,
В кругу неярких фонарей,
Я был Кощеем, но бессмертной
Лишь ты была душой моей.

...

Я, как Кощей стою над Волгой,
И повторяю, словно тать:
"Не уколись моей иголкой,
Когда надумаешь сломать".
"За тем мостом..."

Из книги "Поющая половица", Самара, 2008